

Вступление

Если спросите - откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? -
Я скажу вам, я отвечу:

"От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги".

Если спросите, где слышал,

Где нашел их Навадага, -

Я скажу вам, я отвечу:

"В гнездах певчих птиц, по рощам,

На прудах, в норах бобровых,

На лугах, в следах бизонов,

На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались

На болотах и на топях,

В тундрах севера печальных:

Читовэйк, зук, там пел их,

Манг, нырок, гусь дикий, Вава,

Цапля сизая, Шух-шух-га,

И глухарка, Мушкодаза".

Если б дальше вы спросили:

"Кто же этот Навадага?

Расскажи про Навадагу", -

Я тотчас бы вам ответил

На вопрос такую речью:

"Средь долины Тавазэнта,

В тишине лугов зеленых,

У излучистых потоков,

Жил когда-то Навадага.

Вкруг индейского селенья
Расстилались нивы, доли,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый - летом,
Белый - в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их - весною,
По ольхам серебристым - летом,
По туману - в день осенний,
По руслу - зимой холодной.
Возле них жил Навадага
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате, -
О его рожденье дивном
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде".

Вы, кто любите природу -
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются, -
Вам принес я эти саги,
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка, -
Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем юном, чистом сердце

Сохранилась вера в бога,
В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провидение незримо, -
Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где, склонившись на ограду,
Поседевшую от моха,
Барбарис висит, краснея,
Забываетесь порою
На заброшенном погосте
И читаете в раздумье
На могильном камне надпись,
Неумелую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой веры, -
Прочитайте эти руны,

Эту Песнь о Гайавате!

I. Трубка Мира

На горах Большой Равнины,
На вершине Красных Камней,
Там стоял Владыка Жизни,
Гитчи Манито могучий,
И с вершины Красных Камней
Созывал к себе народы,
Созывал людей отовсюду.

От следов его струилась,
Трепетала в блеске утра
Речка, в пропасти срываясь,
Ишкудой, огнем, сверкая.
И перстом Владыка Жизни
Начертал ей по долине
Путь излучистый, сказавши:
"Вот твой путь отныне будет!"

От утеса взявши камень,
Он слепил из камня трубку
И на ней фигуры сделал.

Над рекою, у побережья,
На чубук тростинку вырвал,
Всю в зеленых, длинных листьях;
Трубку он набил корою,
Красной ивовой корою,
Идохнул на лес соседний,

От дыханья ветви шумно
Закачались и, столкнувшись,
Ярким пламенем зажглися;
И, на горных высях стоя,
Закурил Владыка Жизни
Трубку Мира, созывая
Все народы к совещанью.

Дым струился тихо, тихо
В блеске солнечного утра:
Прежде - темною полоской,
После - гуще, синим паром,
Забелел в лугах клубами,
Как зимой вершины леса,
Плыл все выше, выше, выше, -
Наконец коснулся неба
И волнами в сводах неба
Раскатился над землею.

Из долины Тавазэнта,
Из долины Вайоминга,
Из лесистой Тоскалузы,
От Скалистых Гор далеких,
От озер Страны Полночной
Все народы увидали
Отдаленный дым Покваны,
Дым призывный Трубки Мира.

И пророки всех народов
Говорили: "То Поквана!
Этим дымом отдаленным,
Что сгибается, как ива,
Как рука, кивает, манит,
Гитчи Манито могучий
Племена людей сзывает,
На совет зовет народы".

Вдоль потоков, по равнинам,
Шли вожди от всех народов,
Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки,

Черноногие и Поны,
Оджибвеи и Дакоты -
Шли к горам Большой Равнины,
Пред лицо Владыки Жизни.

И в доспехах, в ярких красках, -
Словно осенью деревья,
Словно небо на рассвете, -
Собрались они в долине,
Дико глядя друг на друга.
В их очах - смертельный вызов,
В их сердцах - вражда глухая,
Вековая жажда мщенья -
Роковой завет от предков.

Гитчи Манито всеильный,
Сотворивший все народы,
Поглядел на них с участием,
С отчей жалостью, с любовью, -
Поглядел на гнев их лютый,
Как на злобу малолетних,
Как на ссору в детских играх.

Он простер к ним сень десницы,
Чтоб смягчить их нрав упорный,

Чтоб смирить их пыл безумный

Мановением десницы.

И величественный голос,

Голос, шуму вод подобный,

Шуму дальних водопадов,

Прозвучал ко всем народам,

Говоря: "О дети, дети!

Слову мудрости внемлите,

Слову кроткого совета

От того, кто всех вас создал!

Дал я земли для охоты,

Дал для рыбной ловли воды,

Дал медведя и бизона,

Дал оленя и косулю,

Дал бобра вам и казарку;

Я наполнил реки рыбой,

А болота - дикой птицей:

Что ж ходить вас заставляет

На охоту друг за другом?

Я устал от ваших распрей,

Я устал от ваших споров,

От борьбы кровопролитной,

От молитв о кровной мести.

Ваша сила - лишь в согласье,
А бессилие - в разладе.
Примиритесь, о дети!
Будьте братьями друг другу!

И придет Пророк на землю
И укажет путь к спасенью;
Он наставником вам будет,
Будет жить, трудиться с вами.
Всем его советам мудрым
Вы должны внимать покорно -
И умножатся все роды,
И настанут годы счастья.
Если ж будете вы глухи, -
Вы погибнете в раздорах!

Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови;
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня,
Тростников для них нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь как братья!"

Так сказал Владыка Жизни.

И все воины на землю

Тотчас кинули доспехи,

Сияли все свои одежды,

Смело бросилися в реку,

Смыли краски боевые.

Светлой, чистою волною

Выше их вода лилася -

От следов Владыки Жизни.

Мутной, красною волною

Ниже их вода лилася,

Словно смешанная с кровью.

Смывши краски боевые,

Вышли воины на берег,

В землю палицы зарыли,

Погребли в земле доспехи.

Гитчи Манито могучий,

Дух Великий и Создатель,

Встретил воинов улыбкой.

И в молчанье все народы

Трубки сделали из камня,

Тростников для них нарвали,

Чубуки убрали в перья
И пустились в путь обратный -
В ту минуту, как завеса
Облаков заколебалась
И в дверях отверстых неба
Гитчи Манито сокрылся,
Окружен клубами дыма
От Йокваны, Трубки Мира.

II. Четыре Ветра

"Слава, слава, Мэджекивис!" -
Старцы, воины кричали
В день, когда он возвратился
И принес Священный Вампум
Из далеких стран Вабассо -
Царства кролика седого,
Царства Северного Ветра.

У Великого Медведя
Он украл Священный Вампум,
С толстой шеи Мише-Моквы,
Пред которым трепетали
Все народы, снял он Вампум

В час, когда на горных высях
Спал медведь, тяжелый, грузный,
Как утес, обросший мохом,
Серым мохом в бурых пятнах.

Тихо он к нему подкрался,
Так подкрался осторожно,
Что его почти касались
Когти красные медведя,
А горячее дыханье
Обдавало жаром руки.

Осторожно снял он Вампум
По ушам, по длинной морде
Исполина Мише-Моквы;
Ничего не услышали
Уши круглые медведя,
Ничего не разглядели
Глазки сонные - и только
Из ноздрей его дыханье
Обдавало жаром руки.

Кончив, палицей взмахнул он,
Крикнул громко и протяжно
И ударил Мише-Мокву
В середину лба с размаху,

Между глаз ударил прямо!

Словно громом оглушенный,

Приподнялся Мише-Моква,

Но едва вперед подался,

Затряслись его колени,

И со стоном, как старуха,

Сел на землю Мише-Моква.

А могучий Мэджекивис

Перед ним стоял без страха,

Над врагом смеялся громко,

Говорил с пренебреженьем:

"О медведь! Ты - Шогодайя!

Всюду хвастался ты силой,

А как баба, как старуха,

Застонал, завыл от боли.

Трус! Давно уже друг с другом

Племена враждуют наши,

Но теперь ты убедился,

Кто бесстрашней и сильнее.

Уходите прочь с дороги,

Прячьтесь в горы, в лес скрывайтесь!

Если б ты меня осилил,

Я б не крикнул, умирая,

Ты же хнычешь предо мною
И свое позоришь племя,
Как трусливая старуха,
Как презренный Шогодайя".

Кончив, палицей взмахнул он,
Вновь ударил Мише-Мокву
В середину лба с размаху,
И, как лед под рыболовом,
Треснул череп под ударом.
Так убит был Мише-Моква,
Так погиб Медведь Великий,
Страх и ужас всех народов.

"Слава, слава, Мэджекивис! -
Восклицал народ в восторге. -
Слава, слава, Мэджекивис!
Пусть отныне и вовеки
Ветром Запада он будет,
Властелином над ветрами!"
И могучий Мэджекивис
Стал владыкой над ветрами.
Ветер Западный оставил
Он себе, другие отдал
Детям: Вебону - Восточный,

Шавондази - теплый Южный,
А Полночный Ветер дикий
Злому дал Кабибонокке.

Молод и прекрасен Вебон!
Это он приносит утро
И серебряные стрелы
Сыплет, сумрак прогоняя,
По холмам и по долинам;
Это Вебона ланиты
На заре горят багрянцем,
А призывный голос будит
И охотника и зверя.

Одинок на небе Вебон!
Для него все птицы пели,
Для него цветы в долинах
Разливали сладкий запах,
Для него шумели реки,
Рощи темные вздыхали,
Но всегда был грустен Вебон;
Одинок он был на небе.

Утром раз, на землю глядя,
В час, когда спала деревня

И туман, как привиденье,
Над рекой блуждал, белея,
Он увидел, что в долине
Ходит дева - собирает
Камыши и длинный шпажник
Над рекою по долине.

С той поры, на землю глядя,
Только очи голубые
Видел Вебон на рассвете:
Как два озера лазурных,
На него они смотрели,
И задумчивую деву,
Что к нему стремилась сердцем,
Полюбил прекрасный Вебон:
Оба были одиноки,
На земле - она, он - в небе.

Он возлюбленную нежил
И ласкал улыбкой солнца,
Нежил вкрадчивою речью,
Тихим вздохом, тихой песней,
Тихим шепотом деревьев,
Ароматом белых лилий.
К сердцу милую привлек он,

Ярким пурпуром окутал -
И она затрепетала
На груди его звездой.
Так доньше неразлучно
В небесах они проходят:
Вебон, рядом Вебон-Аннонг -
Вебон и Звезда Рассвета.

В ледяных горах, в пустыне,
В царстве кролика, Вабассо,
В царстве вечной снежной вьюги,

Обитал Кабибонокка.
Это он осенней ночью
Разрисовывает листья
Краской желтой и багряной,
Это он приносит вьюги,
По лесам шипит и свищет,
Покрывает льдом озера,
Гонит чаек острокрылых,
Гонит цаплю и баклана
В камыши, в морские бухты,
В гнезда их на теплом юге.

Вышел раз Кабибонокка
Из своих чертогов снежных

Меж горами ледяными,
Устремился с воем к югу
По замерзшим, белым тундрам.

И, осыпанные снегом,
Волоса его - рекою,
Черной, зимнею рекою
По земле за ним струились.

В тростниках, среди осоки,
На замерзших, белых тундрах
Жил там Шингебис, морянка.

Одинок в белых тундрах
Проводил он зиму эту:
Братья Шингебиса были
В теплых странах Шавондази.

И вскричал Кабибонокка
В лютом гневе: "Кто дерзает
Презирать Кабибонокку?
Кто осмелился остаться
В царстве Северного Ветра,
Если Вава и Шух-шух-га,
Если дикий гусь и цапля
Уж давно на юг умчались?
Я пойду к его вигваму,

Я очаг его разрушу!"

И пришел во мраке ночи
Ко врагу Кабибонокка.
Он намел сугробы снега,
Завывал в трубе вигвама,
Потрясал его свирепю,
Рвал дверные занавески.
Шингебис не испугался,
Шингебис его не слушал!

В очаге его играло
Пламя яркое, и рыбу
Ел он с песнями и смехом.

Ворвался тогда в жилище
Дикий, злой Кабибонокка;
Шингебис, от стужи вздрогнул
В ледяном его дыханье,
Но по-прежнему смеялся,
Но по-прежнему пел громко;
Он костер поправил только,
Чтоб костер горел светлее,
Чтоб кидало пламя искры.

И с чела Кабибонокки,

С кос его в снегу холодном
Стали падать капли пота,
Как весною каплет с крыши
Иль с ветвей болиголова.
Побежденный этим жаром,
Раздраженный этим пеньем,
Он вскочил и из вигвама
В поле бросился, шагая
По рекам и по озерам:
На борьбу над белой тундрой
Вызывал врага коварно.

Но без страха, без боязни
Вышел Шингебис на битву;
До рассвета он боролся
С Ветром Северным над тундрой,
До утра когтями бился
Шингебис с Кабибоноккой.
И без сил Кабибонокка
Отступил в свои, владенья,
Со стыдом бежал по тундрам
В царство кролика, Вабассо,
А за ним все раздавались
Хохот, песни и насмешки.

Шавондази, тучный, сонный,
Обитал на дальнем юге,
Где в дремотном блеске солнца
Круглый год царило лето.
Это он шлет птиц весною,
Шлет к нам ласточку, шлет Шошо,
Шлет Овейсу, трясогузку,
Опечи шлет, реполова,
Гуся, Ваву, шлет на север,
Шлет табак душистый, дыни,
Виноград в багряных гроздьях.

Дым из трубки Шавондази
Небеса туманит паром,
Наполняет негой воздух.
Тусклый блеск дает озерам,
Очертанья гор смягчает,
Веет нежной лаской лета
В теплый Месяц Светлой Ночи,
В Месяц Лыж зимой холодной.

Беззаботный Шавондази!
Лишь одно узнал он горе,
Лишь одну печаль изведал.
Раз, смотря на север с юга,

Далеко в степных равнинах
Он увидел утром деву,
Деву с гибким, стройным станом,
Одинокую в равнинах.
Был на ней наряд зеленый,
И как солнце были косы.

День за днем потом смотрел он,
День за днем вздыхал он страстно,
День за днем все больше сердце
Разгоралось в нем любовью
К деве нежной, златокудрой.
Но ленив и неподвижен
Был беспечный Шавондази,
Да, ленив и слишком тучен:
К милой он пойти все медлил,
Он сидел, вздыхая страстно,
И все только любовался
Златокудрой девой прерий.

Наконец однажды утром
Увидал он, что поблекли
Кудри русые у милой, -
Словно первый снег, белеют.
"О мой брат из Стран Полночных,

Из далеких стран Вабассо,
Царства Северного Ветра!
Ты украл мою невесту,
Завладел моею милой,
Обольстил ее своею
Сказкой Северного Ветра!"

Так несчастный Шавондази,
"Изливал свои страданья,
И бродил в равнинах знойный
Южный Ветер, полный вздохов,
Страстных вздохов Шавондази.

И наполнился весь воздух,
Словно снегом, белым пухом:

Погубили вздохи ветра
Деву с русыми кудрями,
И от взоров Шавондази
Навсегда сокрылась дева.

О мечтатель Шавондази!
Не по девушке вздыхал ты,
Не на женщину смотрел ты, -
На цветок, на одуванчик;
О цветке вздыхал ты страстно,
На цветок глядел все лето

День за днем с любовью томной

И сгубил его навеки,

В поле вздохами развеял.

Бедный, бедный Шавондази!

III. Детство Гайаваты

В летний вечер, в полнолуние,

В незапамятное время,

В незапамятные годы,

Прямо с месяца упала

К нам прекрасная Нокомис,

Дочь ночных светил, Нокомис.

Как дитя, она играла,

На ветвях на виноградных

Меж подруг своих качалась,

И одна из них, сгорая

Злобой ревности и мести,

Эти ветви подрубила,

И на Мускодэ упала,

На цветущую долину,

Замирая от испуга,

Летним вечером Нокомис.

"Вон звезда упала с неба!" -

Говорил народ в селеньях.

Там, на мягких мхах и травах,
Там, среди стыдливых лилий,
В тихой Мускодэ, в долине,
В звездном блеске, в лунном свете,
Стала матерью Нокомис,
Назвала дочь первородной -
Назвала ее Веноной.
И, как лилия в долине,
Расцвела ее Венона:
Стала гибкой, стала стройной,
Точно лунный свет, прекрасной,
Точно звездный отблеск, нежной.

И Нокомис часто стала
Говорить, твердить Веноне:
"О, страшись, остерегайся
Мэджекивиса, Венона!
Никогда его не слушай,
Не гуляй одна в долине,
Не ложись в траве меж лилий!"

Но не слушалась Венона,

Не внимала мудрой речи,
И пришел к ней Мэджеквис,
Темным вечером подкрался,
С тихим шепотом склоняя
На лугу цветы и травы.
Там прекрасная Венона
Меж цветов одра лежала,
Там нашел ее коварный
Ветер Западный - и начал
Очаровывать Венону
Сладкой речью, нежной лаской, -
И родился сын печали,
Нежной страсти и печали,
Дивной тайны - Гайавата.

Так родился, Гайавата;
А коварный Мэджеквис,
Бессердечный Мэджеквис
Уж покинул дочь Нокомис,
И недолго после билось
Сердце нежное Веноны:
Умерла она в печали.

Долго с криками рыдала,
Долго плакала Нокомис:

"О, зачем жестокий Погок
Не меня унес с собою?
Лучше б мне лежать в могиле!
Вагономин, вагономин!"

На побережье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
С юных дней жила Нокомис,
Дочь ночных светил, Нокомис.

Позади ее вигвама
Темный лес стоял стеною -
Чащи темных, мрачных сосен,
Чащи елей в красных шишках,
А пред ним прозрачной влагой
На песок плескались волны,
Блеском солнца зыбь сверкала
Светлых вод Большого Моря.

Там, в тиши лесов и моря,
Внука нянчила Нокомис,
В люльке липовой качала,
Усланной кугой и мохом,
Крепко связанной ремнями,
И, качая, говорила:

"Спи! А то отдам медведю!"

Там, баюкая, певала:

"Эва-ия, мой совенок!

Что там светится в вигваме?

Чьи глаза блестят в вигваме?

Эва-ия, мой совенок!"

Много-много рассказала

О звездах ему Нокомис;

Показала хвост кометы -

Ишкуду в огнистых косах,

Показала Танец Духов,

Их блистающие рати

В небесах Страны Полночной,

В Месяц Лыж морозной ночью;

Показала серебристый

Путь всех призраков и духов -

Белый путь на темном небе,

Полном призраков и духов.

Вечерами, теплым летом,

У дверей сидел малютка,

Слушал тихий ропот сосен,

Слушал тихий плеск прибоя,

Звуки дивных слов и песен:

"Минни-вава!" - пели сосны,

"Мэдвэй-ошка!" - пели волны.

Видел мушку, Ва-ва-тэйзи,
Что, сверкая белой искрой,
Светит в сумраке вечернем
Над травой и кустами,
И тихонько пел ей песню,
Что Нокомис научила:
"Ва-ва-тэйзи, Ва-ва-тэйзи!
Крошка, огненная мушка,
Крошка, белый огонечек!
Потанцуй еще немножко,
Посвети мне, попрыгунья,
Белой искоркой своею:
Скоро я в постельку лягу,
Скоро я закрою глазки!"

Видел, как над Гитчи-Гюми,
Отражаясь в Гитчи-Гюми,
Подымался полный месяц,
Видел тень на нем и пятна
И шептал: "Что там, Нокомис?"

А Нокомис отвечала:
"Раз один сердитый воин
Подхватил старуху-бабку

И швырнул ее на небо,
Зашвырнул на месяц прямо.
Так она там и осталась".

Видел радугу на небе,
На востоке, и тихонько
Говорил: "Что там, Нокомис?"

А Нокомис отвечала:

"Это Мускодэ на небе;
Все цветы лесов зеленых,
Все болотные кувшинки,
На земле когда увянут,
Расцветают снова в небе".

Если сов он слышал в полночь -
Вой и хохот в чаще леса, -
Он, дрожа, кричал: "Кто это?"
Он шептал: "Что там, Нокомис?"

А Нокомис отвечала:

"Это совы собралися
И по-своему болтают,
Это ссорятся совята!"

Так малютка, внук Нокомис,
Изучил весь птичий говор,

Имена их, все их тайны:
Как они вьют гнезда летом,
Где живут они зимою;
Часто с ними вел беседы,
Звал их всех: "мои цыплята".

Всех зверей язык узнал он,
Имена их, все их тайны:
Как бобер жилище строит,
Где орехи белка прячет,
Отчего резва косуля,
Отчего труслив Вабассо;
Часто с ними вел беседы,
Звал их: "братья Гайаваты".

И рассказчик сказок Ягу,
Говорун, хвастун великий,
Много по свету бродивший,
Верный друг Нокомис старой,
Сделал лук для Гайаваты:
Лук из ясеня он сделал,
Стрелы сделал он из дуба,
Наконечники - из яшмы,
Тетиву - из кожи лани.

И сказал он Гайавате:
"Ну, мой сын, иди скорее
В лес, где держатся олени.
Застрели-ка там косулю
С разветвленными рогами".

Гордо взял свой лук и стрелы
Гайавата и отважно
В лес пустился; птицы звонко
Пели, по лесу порхая.
"Не стреляй в нас, Гайавата!" -
Опечи пел красногрудый;
"Не стреляй в нас, Гайавата!" -
Пел Овейса синеперый.

На дубу над Гайаватой
Вниз и вверх скакала белка,
Меж зеленых листьев дуба
С кашлем прыгала, смеялась
И, смеясь, пробормотала:
"Пощади, о Гайавата!"

И вприпрыжку белый кролик
Робко бросился с тропинки,
Стал вдали на задних лапках

И охотнику промолвил
Хоть и в шутку, но трусливо:
"Пощади, о Гайавата!"

Но не слушал Гайавата, -
Точно сонный, брел он лесом,
Думал только об олене,
След его искал глазами,
След, что вел к речному броду,
По тропе к речному броду.

За ольховыми кустами
Сел и выждал он оленя,
Увидал два глаза в чаще,
Увидал над ней два рога,
Ноздри, поднятые к ветру,
Увидал и морду зверя
Под листвою, в пятнах света,
И, как легкий лист березы,
Сердце в нем затрепетало,
Как ольха, весь задрожал он,
Увидав над бродом зверя.

На одно колено ставши,
Он прицелился в оленя.

Только ветка шевельнулась,
Только листик закачался,
Но олень уж встрепенулся,
Отшатнувшись, топнул в землю,
Чутко встал, подняв копыто,
Прыгнул, точно ждал удара.

Ах, он шел навстречу смерти!

Как оса, стрела запела,
Как оса, в него впилая!

Мертвый, он лежал у брода,
Меж деревьев, над рекою;
Сердце в нем уже не билось,

Но зато у Гайаваты
Сердце так и трепетало,
Как домой он нес оленя
И ему рукоплескали
Старый Ягу и Нокомис.

Из оленьей пестрой шкуры
Внуку плащ Нокомис сшила,
Созвала соседей в гости,
Пир дала в честь Гайаваты.
Вся деревня собралась,

Все соседи называли
Гайавату храбрым, сильным -
Сон-джи-тэгэ, Ман-го-тэйзи!

IV. Гайавата и Мэджекивис

Миновали годы детства,
Возмужал мой Гайавата;
Игры юности беспечной,
Стариков житейский опыт,
Труд, охотничьи сноровки -
Все постиг он, все изведal.

Резвы ноги Гайаваты!
Запустив стрелу из лука,
Он бежал за ней так быстро,
Что стрелу опережал он.
Мощны руки Гайаваты!
Десять раз, не отдыхая,
Мог согнуть он лук упругий
Так легко, что догоняли
На лету друг друга стрелы.

Рукавицы Гайаваты,

Рукавицы, Минджикэвон,
Из оленьей мягкой шкуры
Обладали дивной силой:
Сокрушать он мог в них скалы,
Раздроблять в песчинки камни.

Мокасины Гайаваты
Из оленьей мягкой шкуры
Волшебство в себе таили:
Привязавши их к лодыжкам,
Прикрепив к ногам ремнями,
С каждым шагом Гайавата
Мог по целой миле делать.

Об отце своем нередко
Он расспрашивал Нокомис,
И поведала Нокомис
Внуку тайну роковую:
Рассказала, как прекрасна,
Как нежна была Венона,
Как сгубил ее изменой
Вероломный Мэджекивис,
И, как уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Он сказал Нокомис старой:

"Я иду к отцу, Нокомис,
Я хочу его проведать
В царстве Западного Ветра,
У преддверия Заката".

Из вигвама выходил он,
Снарядившись в путь далекий,
В рукавицах, Минджикэвон,
И волшебных мокалинах.

Весь наряд его богатый
Из оленьей мягкой шкуры
Зернью вампума украшен
И щетиной дикобраза.

Голова его - в орлиных
Развевающихся перьях,
За плечом его, в колчане -
Из дубовых веток стрелы,,

Оперенные искусно
И оправленные в яшму,
А в руках его - упругий
Лук из ясеня, согнутый
Тетивой из жил оленя.

Осторожная Нокомис
Говорила "Гайавате:

"Не ходя, о Гайавата,
В царство Западного Ветра:
Он убьет тебя коварством,
Волшебством своим погубит".

Но отважный Гайавата
Не внимал ее советам,
Уходил он от вигвама,
С каждым шагом делал милю.
Мрачным лес ему казался,
Мрачным - свод небес над лесом,
Воздух - душным и горячим,
Полным дыма, полным гари,
Как в пожар лесов и прерий:
Словно уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

Так держал он путь далекий
Все на запад и на запад
Легче быстрого оленя,
Легче лани и бизона.
Переплыл он Эсконабо,
Переплыл он Миссисипи,
Миновал Степные Горы,
Миновал степные страны

И Лисиц и Черноногих
И пришел к Горам Скалистым,
В царство Западного Ветра,
В царство бурь, где на вершинах
Восседал Владыка Ветров,
Престарелый Мэджекивис.

С тайным страхом Гайавата
Пред отцом остановился:
Дико в воздухе клубились,
Облаками развевались
Волоса его седые,
Словно снег, они блестели,
Словно пламенные косы
Ишкуды, они сверкали.

С тайной радостью увидел
Мэджекивис Гайавату:
Это молодости годы
Перед ним воскресли к жизни,
Это встала из могилы
Красота Веноны нежной.

"Будь здоров, о Гайавата! -
Так промолвил Мэджекивис. -

Долго ждал тебя я в гости
В царство Западного Ветра!
Годы старости - печальны,
Годы юности - отрадны.
Ты напомнил мне былое,
Юность пылкую напомнил
И прекрасную Венону!"

Много дней прошло в беседе,
Долго мощный Мэджеквивис
Похвалялся Гайавате
Прежней доблестью своею,
Приключеньями былыми,
Непреклонною отвагой;
Говорил, что дивной силой
Он от смерти заколдован.

Молча слушал Гайавата,
Как хвалился Мэджеквивис,
Терпеливо и с улыбкой
Он сидел и молча слушал.
Ни угрозой, ни укором,
Ни одним суровым взглядом
Он не выказал досады,
Но, как уголь, разгоралось

Гневом сердце Гайаваты.

И сказал он: "Мэджекивис!

Неужель ничто на свете

Погубить тебя не может?"

И могучий Мэджекивис

Величаво, благосклонно

Отвечал: "Ничто на свете,

Кроме вон того утеса,

Кроме Вавбика, утеса!"

И, взглянув на Гайавату

Взором мудрости спокойной,

По-отечески любуясь

Красотой его и мощью,

Он сказал: "О Гайавата!

Неужель ничто на свете

Погубить тебя не может?"

Помолчал одну минуту

Осторожный Гайавата,

Помолчал, как бы в сомненье,

Помолчал, как бы в раздумье,

И сказал: "Ничто на свете.

Лишь один тростник, Эпоква,

Лишь вон тот камыш высокий!"

И как только Мэджекивис,
Встав, простер к Эпокве руку,
Гайавата в страхе крикнул,
В лицемерном страхе крикнул:
"Каго, каго! Не касайся!"
"Полно! - молвил Мэджекивис.
Успокойся, - я не трону".

И опять они беседу
Продолжали; говорили
И о Вебоне прекрасном,
И о тучном Шавондази,
И о злом Кабибонокке;
Говорили о Веноне,
О ее рожденье дивном,
О ее кончине грустной -
Обо всем, что рассказала
Внуку старая Нокомис.

И воскликнул Гайавата:
"О коварный Мэджекивис!
Это ты убил Венону,
Ты сорвал цветок весенний,
Растоптал его ногами!
Признавайся! Признавайся!"

И могучий Мэджекивис
Тихо голову седую
Опустил в тоске глубокой,
В знак безмолвного согласия.

Быстро встал тогда, сверкая
Грозным взором, Гайавата,
На утес занес он руку
В рукавице, Минджикэвон,
Разломил его вершину,
Раздробил его в осколки,
Стал в отца швырять свирепо:
Словно уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Но могучий Мэджекивис
Камни гнал назад дыханьем,
Бурей гневного дыханья
Гнал назад, на Гайавату.
Он схватил руной Эпокву,
Вырвал с мочками, с корнями, -
Над рекой из вязкой тины
Вырвал бешено Эпокву
Он под хохот Гайаваты.

И начался бой смертельный
Меж Скалистыми Горами!
Сам Орел Войны могучий
На гнезде поднялся с криком,
С резким криком сел на скалы,
Хлопал крыльями над ними.
Словно дерево под бурей,
Рассекал Эпоква воздух,
Словно град, летели камни
С треском с Вавбика, утеса,
И земля окрест дрожала,
И на тяжкий грохот боя
По горам гремело эхо,
Отзывалось: "Бэм-Вава!"

Отступать стал Мэджекивис,
Устремился он на запад,
По горам на дальний запад
Отступал три дня, сражаясь,
Убегал, гонимый сыном,
До преддверия Заката,
До границ своих владений,
До конца земли, где солнце
В красном блеске утопает,
На ночлег в воздушной бездне

Опускаясь, как фламинго
Опускается зарею
На печальное болото.

"Удержись, о Гайавата! -
Наконец вскричал он громко, -
Ты убить меня не в силах,
Для бессмертного нет смерти.
Испытать тебя хотел я,
Испытать твою отвагу,
И награду заслужил ты!

Возвратись в родную землю,
К своему вернись народу,
С ним живи и с ним работай.
Ты расчистить должен реки,
Сделать землю плодоносной,
Умертвить чудовищ злобных,
Змей, Кинэбик, и гигантов,
Как убил я Мише-Мокву,
Исполина Мише-Мокву.

А когда твой час настанет
И заблещут над тобою
Очи Погока из мрака, -

Разделю с тобой я царство,
И владыкою ты будешь
Над Кивайдином вовеки!"

Вот какая разыгралась
Битва в грозные дни Ша-ша,
В дни далекого былого,
В царстве Западного Ветра.
Но следы той славной битвы
И теперь охотник видит
По холмам и по долинам:
Видит шпажник исполинский
На прудах и вдоль потоков,
Видит Вавбика осколки
По холмам и по долинам.

На восток, в родную землю,
Гайавата путь направил.
Позабыл он горечь гнева,
Позабыл о мщенье думы,
И вокруг него отрадой
И весельем все дышало.

Только раз он путь замедлил,
Только раз остановился,

Чтоб купить в стране Дакотов

Наконечников на стрелы.

Там, в долине, где смеялись,

Где блистали, низвергаясь

Меж зелеными дубами,

Водопады Миннегаги,

Жил старик, дакот суровый.

Делал он головки к стрелам,

Острия из халцедона,

Из кремня и крепкой яшмы,

Отшлифованные гладко,

Заостренные, как иглы.

Там жила с ним дочь-невеста,

Быстроногая, как речка,

Своенравная, как брызги

Водопадов Миннегаги.

В блеске черных глаз играли

У нее и свет и тени -

Свет улыбки, тени гнева;

Смех ее звучал как песня,

Как поток струились косы,

И Смеющейся Водю

В честь реки ее назвал он,

В честь веселых водопадов

Дал ей имя - Миннегага.

Так ужели Гайавата
Заходил в страну Дакотов,
Чтоб купить головок к стрелам,
Наконечников из яшмы,
Из кремня и халцедона?
Не затем ли, чтоб украдкой
Посмотреть на Миннегагу,
Встретить взор ее пугливый,
Услыхать одежды шорох
За дверною занавеской,
Как глядят на Миннегагу,
Что горит сквозь ветви леса,
Как внимают водопаду
За зеленой чащей леса?

Кто расскажет, что таится
В молодом и пылком сердце?
Как узнать, о чем в дороге
Сладко грезил Гайавата?
Все Нокомис рассказал он,
Возвратясь домой под вечер:
О борьбе и о беседе
С Мэджеквисом могучим,

Но о девушке, о стрелах
Не обмолвился ни словом!

V. Пост Гайаваты

Вы услышите сказанье,
Как в лесной глуши постился

И молился Гайавата:

Не о ловкости в охоте,

Не о славе и победах,

Но о счастии, о благе

Всех племен и всех народов.

Пред постом он приготовил

Для себя в лесу жилище, -

Над блестящим Гитчи-Гюми,

В дни весеннего расцвета,

В светлый, теплый Месяц Листьев

Он вигвам себе построил

И, в виденьях, в дивных грезах,

Семь ночей и дней постился.

В первый день поста бродил он

По зеленым тихим рощам;

Видел кролика он в норке,
В чаще выпугнул оленя,
Слышал, как фазан кудахтал,
Как в дупле возилась белка,
Видел, как под тенью сосен
Вьет гнездо Омими, голубь,
Как стада гусей летели
С заунывным криком, с шумом
К диким северным болотам.
"Гитчи Манито! - вскричал он,
Полный скорби безнадежной, -
Неужели наше счастье,
Наша жизнь от них зависит?"

На другой день над рекою,
Вдоль по Мускодэ бродил он,
Видел там он Маномони
И Минагу, голубику,
И Одамин, землянику,
Куст крыжовника, Шабомин,
И Бимагут, виноградник,
Что зеленою гирляндой,
Разливая сладкий запах,
По ольховым сучьям вьется.
"Гитчи Манито! - вскричал он,

Полный скорби безнадежной, -
    Неужели наше счастье,
Наша жизнь от них зависит?"

В третий день сидел он долго,
Погруженный в размышленья,
    Возле озера, над тихой,
    Над прозрачною водою.
Видел он, как прыгал Нама,
Сыпля брызги, словно жемчуг;
    Как резвился окунь, Сава,
    Словно солнца луч сияя,
    Видел щуку, Маскенозу,
    Сельдь речную, Окагавис,
    Шогаши, морского рака.

"Гитчи Манито! - вскричал он,
Полный скорби безнадежной. -
    Неужели наше счастье,
Наша жизнь от них зависит?"

На четвертый день до ночи
Он лежал в изнеможенье
На листве в своем вигваме.
В полусне над ним роились
Грезы, смутные виденья;

Вдалеке вода сверкала
Зыбким золотом, и плавно
Все кружилось и горело
В пышном зареве заката.

И увидел он: подходит
В полусумраке пурпурном,
В пышном зареве заката,
Стройный юноша к вигваму.
Голова его - в блестящих,
Развевающихся перьях,
Кудри - мягки, золотисты,
А наряд - зелено-желтый.

У дверей остановившись,
Долго с жалостью, с участием
Он смотрел на Гайавату,
На лицо его худое,
И, как вздохи Шавондази
В чаще леса, - прозвучала
Речь его: "О Гайавата!
Голос твой услышан в небе,
Потому что ты молился
Не о ловкости в охоте,
Не о славе и победах,

Но о счастья, о благе
Всех племен и всех народов.

Для тебя Владыкой Жизни
Послан друг людей - Мондамин;
Послан он тебе поведать,
Что в борьбе, в труде, в терпенье
Ты получишь все, что просишь.
Встань с ветвей, с зеленых листьев,
Встань с Мондамином бороться!"

Изнурен был Гайавата,
Слаб от голода, но быстро
Встал с ветвей, с зеленых листьев.

Из стемневшего вигвама
Вышел он на свет заката,
Вышел с юношей бороться, -
И едва его коснулся,
Вновь почувствовал отвагу,
Ощутил в груди усталой
Бодрость, силу и надежду.

На лугу они кружились
В пышном зареве заката,
И все крепче, все сильнее

Гайавата становился.
Но спустились тени ночи,
И Шух-шух-га на болоте
Издала свой крик тоскливый,
Вопль и голода и скорби.

"Кончим! - вымолвил Мондамин,

Улыбаясь Гайавате, -
Завтра снова приготовься
На закате к испытанью".
И, сказав, исчез Мондамин.
Опустился ли он тучкой
Иль поднялся, как туманы, -
Гайавата не заметил;
Видел только, что исчез он,
Истомив его борьбою,
Что внизу, в ночном тумане,
Смутно озеро белеет,
А вверху мерцают звезды.

Так два вечера, - лишь только

Опускалось тихо солнце
С неба в западные воды,
Погружалось в них, краснея,
Словно уголь, раскаленный

В очаге Владыки Жизни, -
Приходил к нему Мондамин.

Молчаливо появлялся,
Как роса на землю сходит,
Принимающая форму
Лишь тогда, когда коснется
До травы или деревьев,
Но невидимая смертным
В час прихода и ухода.

На лугу они кружились
В пышном зареве заката;
Но спустились тени ночи,
Прокричала на болоте
Громко, жалобно Шух-шух-га,
И задумался Мондамин;
Стройным станом и прекрасный,
Он стоял в своем наряде;
В головном его уборе
Перья веяли, качались,
На челе его сверкали
Капли пота, как росинки.

И вскричал он: "Гайавата!
Храбро ты со мной боролся,

Трижды стойко ты боролся,
И пошлет Владыка Жизни
Надо мной тебе победу!"

А потом сказал с улыбкой:
"Завтра кончится твой искус -
И борьба и пост тяжелый;
Завтра ты меня поборешь;
Приготовь тогда мне ложе
Так, чтоб мог весенний дождик
Освежать меня, а солнце -
Согревать до самой ночи.
Мой наряд зелено-желтый,
Головной убор из перьев
Оборви с меня ты смело,
Схорони меня и землю
Разровняй и сделай мягкой.

Стереги мой сон глубокий,
Чтоб никто меня не трогал,
Чтобы плевелы и травы
Надо мной не зарастали,
Чтобы Кагаги, Царь-Ворон,
Не летал к моей могиле.
Стереги мой сон глубокий

До поры, когда проснусь я,
К солнцу светлому воспряну!"
И, сказав, исчез Мондамин.

Мирным сном спал Гайавата;
Слышал он, как пел уныло
Полуночник, Вавонэйса,
Над вигвамом одиноким;
Слышал он, как, убегая,
Сибовиша говорливый
Вел беседы с темным лесом;
Слышал шорох - вздохи веток,
Что склонялись, подымались,
С ветерком ночным качаясь.
Слышал все, но все сливалось
В дальний ропот, сонный шепот:
Мирным сном спал Гайавата.

На заре пришла Нокомис,
На седьмое утро пищи
Принесла для Гайаваты.
Со слезами говорила,
Что его погубит голод,
Если пищи он не примет.

Ничего он не отведал,
Ни к чему не прикоснулся,
Лишь промолвил ей: "Нокомис!
Подожди со мной заката,
Подожди, пока стемнеет
И Шух-шух-га громким криком
Возвестит, что день окончен!"

Плача, шла домой Нокомис,
Все тоскуя, опасаясь,
Что его погубит голод.
Он же стал, томясь тоскою,
Ждать Мондамина. И тени
Потянулись от заката
По лесам и по долинам;
Опустилось тихо солнце
С неба в Западные Воды,
Как спускается зарею
В воду красный лист осенний
И в воде, краснея, тонет.

Глядь - уж тут Мондамин юный,
У дверей стоит с приветом!
Голова его - в блестящих,
Развевающихся перьях,

Кудри - мягки, золотисты,
А наряд - зелено-желтый.

Как во сне, к нему навстречу
Встал, измученный и бледный,
Гайавата, но бесстрашно
Вышел - и бороться начал.

И слились земля и небо,
Замелькали пред глазами!
Как осетр в сетях трепещет,
Бьется бешено, чтоб сети
Разорвать и прыгнуть в воду,
Так в груди у Гайаваты
Сердце сильное стучало;
Словно огненные кольца,
Горизонт сверкал кровавый
И кружился с Гайаватой;
Сотни солнцев, разгораясь,
На борьбу его глядели.

Вдруг один среди поляны
Очутился Гайавата,

Он стоял, ошеломленный
Этой дикою борьбою,

И дрожал от напряженья;
А пред ним, в измятых перьях
И в изорванных одеждах,
Бездыханный, неподвижный,
На траве лежал Мондамин,
Мертвый, в зареве заката.

Победитель Гайавата
Сделал так, как приказал он:
Снял с Мондамина одежды,
Снял изломанные перья,
Схоронил его и землю
Разровнял и сделал мягкой.
И среди болот печальных
Цапля сизая, Шух-шух-га,
Издавала свой крик тоскливый,
Вопль и жалобы и скорби.

В отчий дом, в вигвам Нокомис
Возвратился Гайавата,
И семь суток испытанья
В этот вечер завершились.
Но запомнил Гайавата
Те места, где он боролся,
Не покинул без призора

Ту могилу, где Мондамин
Почивал, в земле зарытый,
Под дождем и ярким солнцем.

День за днем над той могилой
Сторожил мой Гайавата,
Чтобы холм ее был мягким,
Не зарос травой сорной,
Прогоняя свистом, криком
Кагаги с его народом.

Наконец зеленый стебель
Показался над могилой,
А за ним - другой и третий,
И не кончилось лето,
Как в своем уборе пышном,
В золотистых, мягких косах,
Встал высокий, стройный маис.

И воскликнул Гайавата
В восхищении: "Мондамин!
Это друг людей, Мондамин!"

Тотчас кликнул он Нокомис,
Кликнул Ягу, рассказал им
О своем виденье дивном,

О своей борьбе, победе,
Показал зеленый маис -
Дар небесный всем народам,
Что для них быть должен пищей.

А поздней, когда, под осень,
Пожелтел созревший маис,
Пожелтели, стали тверды
Зерна маиса, как жемчуг,
Он собрал его початки,
Сняв с него листву сухую,
Как с Мондамина когда-то
Снял одежды, - и впервые
"Пир Мондамина" устроил,
Показал всему народу
Новый дар Владыки Жизни.

VI. Друзья Гайаваты

Было два у Гайаваты
Неизменных, верных друга.
Сердце, душу Гайаваты
Знали в радостях и в горе
Только двое: Чайбайабос,

Музыкант, и мощный Квазинд.

Меж вигвамов их тропинка
Не могла в траве заглухнуть;
Сплетни, лживые наветы
Не могли посеять злобы
И раздора между ними:
Обо всем они держали
Лишь втроем совет согласный,
Обо всем с открытым сердцем
Говорили меж собою
И стремились только к благу
Всех племен и всех народов.

Лучшим другом Гайаваты
Был прекрасный Чайбайабос,
Музыкант, певец великий,
Несравненный, небывалый.
Был, как воин, он отважен,
Но, как девушка, был нежен,
Словно ветка ивы, гибок,
Как олень рогатый, статен.

Если пел он, вся деревня
Собиралась песни слушать,

Жены, воины сходились,
И то нежностью, то страстью
Волновал их Чайбайабос.

Из тростинки сделал флейту,
Он играл так нежно, сладко,
Что в лесу смолкали птицы,
Затихал ручей игривый,
Замолкала Аджидомо,
А Вабассо осторожный
Приседал, смотрел и слушал.

Да! Примолкнул Сибовиша
И сказал: "О Чайбайабос!
Научи мои ты волны
Мелодичным, нежным звукам!"

Да! Завистливо Овэйса
Говорил: "О Чайбайабос!
Научи меня безумным,
Страстным звукам диких песен!"

Да! И Опечи веселый
Говорил: "О Чайбайабос!
Научи меня веселым,

Сладким звукам нежных песен!"

И, рыдая, Вавонэйса

Говорил: "О Чайбайабос!

Научи меня тоскливым,

Скорбным звукам скорбных песен!"

Вся природа сладость звуков

У него перенимала,

Все сердца смягчал и трогал

Страстной песней Чайбайабос,

Ибо пел он о свободе,

Красоте, любви и мире,

Пел о смерти, о загробной

Бесконечной, вечной жизни,

Воспевал Страну Понима

И Селения Блаженных.

Дорог сердцу Гайаваты

Кроткий, милый Чайбайабос,

Музыкант, певец великий,

Несравненный, небывалый!

Он любил его за нежность

И за чары звучных песен.

Дорог сердцу Гайаваты
Был и Квазинд, - самый мощный
И незлобивый из смертных;
Он любил его за силу,
Доброту и простодушие.

Квазинд в юности ленив был,
Вял, мечтателен, беспечен;
Не играл ни с кем он в детстве,
Не удил в заливе рыбы,
Не охотился за зверем, -
Не похож он был на прочих.
Но постился Квазинд часто,
Своему молился Духу,
Покровителю молился.

"Квазинд, - мать ему сказала, -
Ты ни в чем мне не поможешь!
Лето ты, как сонный, бродишь
Праздно по полям и рощам,
Зиму греешься, согнувшись
Над костром среди вигвама;
В самый лютый зимний холод
Я хожу на ловлю рыбы, -
Ты и тут мне не поможешь!

У дверей висит мой невод,
Он намок и замерзает, -
Встань, возьми его, ленивец,
Выжми, высуши на солнце!"

Неохотно, но спокойно
Квазинд встал с золы остывшей,
Молча вышел из вигвама,
Скинул смерзшиеся сети,
Что висели у порога,
Стиснул их, как пук соломы,
И сломал, как пук соломы!
Он не мог не изломать их:
Вот настолько был он силен!

"Квазинд! - раз отец промолвил, -

Собирайся на охоту.

Лук и стрелы постоянно
Ты ломаешь, как тростинки,
Так хоть будешь мне добычу
Приносить домой из леса".

Вдоль ущелья, по теченью
Ручейка они спустились,
По следам бизонов, ланей,

Отпечатанным на иле,
И наткнулись на преграду:
Повалившиеся сосны
Поперек и вдоль дороги
Весь проход загромождали.

"Мы должны, - промолвил старец, -

Ворочаться: тут не влезешь!

Тут и белка не взберется,

Тут сурок пролезть не сможет".

И сейчас же вынул трубку,

Закурил и сел в раздумье.

Но не выкурил он трубки,

Как уж путь был весь расчищен:

Все деревья Квазинд поднял,

Быстро вправо и налево

Раскидал, как стрелы, сосны,

Разметал, как копья, кедры.

"Квазинд! - юноши сказали,

Забавляясь на долине. -

Что же ты стоишь, глазеешь,

На утес облокотившись?

Выходи, давай бороться,

В цель бросать из пращи камни".

Вялый Квазинд не ответил,
Ничего им не ответил,
Только встал и, повернувшись,
Обхватил утес руками,
Из земли его он вырвал,
Раскачал над головою
И забросил прямо в реку,
Прямо в быструю Повэтин.
Так утес там и остался.

Раз по пенистой пучине,
По стремительной Повэтин,
Плыл с товарищами Квазинд
И вождя бобров, Амика,
Увидал среди потока:
С быстринной бобер боролся,
То всплывая, то ныряя.

Не задумавшись нимало,
Квазинд молча прыгнул в реку,
Скрылся в пенистой пучине,
Стал преследовать Амика
По ее водоворотам
И в воде пробыл так долго,

Что товарищи вскричали:
"Горе нам! Погиб наш Квазинд!
Не вернется больше Квазинд!"
Но торжественно он выплыл:
На плече его блестящем
Вождь бобров висел убитый,
И с него вода струилась.

Таковы у Гайаваты
Были верные два друга.
Долго с ними жил он в мире,
Много вел бесед сердечных,
Много думал дум о благе
Всех племен и всех народов.

VII. Пирога Гайаваты

"Дай коры мне, о Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над потоком!
Я свяжу себе пирогу,
Легкий челн себе построю,
И в воде он будет плавать,

Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка!

Скинь свой белый плащ, Береза!
Скинь свой плащ из белой кожи:

Скоро лето к нам вернется,
Жарко светит солнце в небе,
Белый плащ тебе не нужен!"

Так над быстрой Таквамино,
В глубине лесов дремучих
Восклицал мой Гайавата
В час, когда все птицы пели,
Воспевали Месяц Листьев,
И, от сна восставши, солнце
Говорило: "Вот я - Гизис,
Я, великий Гизис, солнце!"

До корней затрепетала
Каждым листиком береза,
Говоря с покорным вздохом:
"Скинь мой плащ, о Гайавата!"

И ножом кору березы
Опоясал Гайавата

Ниже веток, выше корня,
Так, что брызнул сок наружу;
По стволу, с вершины к корню,
Он потом кору разрезал,
Деревянным клином поднял,
Осторожно снял с березы.

"Дай, о Кедр, ветвей зеленых,
Дай мне гибких, крепких сучьев,
Помоги пирогу сделать
И надежней и прочнее!"

По вершине кедра шумно
Ропот ужаса пронесся,
Стон и крик сопротивленья;
Но, склоняясь, прошептал он:
"Нá, руби, о Гайавата!"

И, срубивши сучья кедра,
Он связал из сучьев раму,
Как два лука, он согнул их,
Как два лука, он связал их.

"Дай корней своих, о Тэмрак,
Дай корней мне волокнистых:

Я свяжу свою пирогу,
Так свяжу ее корнями,
Чтоб вода не проникала,
Не сочилась в пирогу!"

В свежем воздухе до корня
Задрожал, затрясся Тэмрак,
Но, склоняясь к Гайавате,
Он одним печальным вздохом,
Долгим вздохом отозвался:
"Все возьми, о Гайавата!"

Из земли он вырвал корни,
Вырвал, вытянул волокна,
Плотно сшил кору березы,
Плотно к ней приладил раму.

"Дай мне, Ель, смолы тягучей,
Дай смолы своей и соку:
Засмолю я швы в пироге,
Чтоб вода не проникала,
Не сочилась в пирогу!"

Как шуршит песок прибрежный,
Зашуршали ветви ели,

И, в своем уборе черном,
Отвечала ель со стоном,
Отвечала со слезами:
"Собери, о Гайавата!"

И собрал он слезы ели,
Взял смолы ее тягучей,
Засмолил все швы в пироге,
Защитил от волн пирогу.

"Дай мне, Еж, колючих игол,
Все, о Еж, отдай мне иглы:
Я украшу ожерельем,
Уберу двумя звездами
Грудь красавицы пироги!"

Сонно глянул Еж угрюмый
Из дупла на Гайавату,
Словно блещущие стрелы,
Из дупла метнул он иглы,
Бормоча в усы лениво:
"Подбери их, Гайавата!"

По земле собрал он иглы,
Что блестели, точно стрелы;

Соком ягод их окрасил,
Соком желтым, красным, синим,
И пирогу в них оправил,
Сделал ей блестящий пояс,
Ожерелье дорогое,
Грудь убрал двумя звездами.

Так построил он пирогу
Над рекою, средь долины,
В глубине лесов дремучих,
И вся жизнь лесов была в ней,
Все их тайны, все их чары:
Гибкость лиственницы темной,
Крепость мощных сучьев кедра
И березы стройной легкость;
На воде она качалась,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка.

Весел не было на лодке,
В веслах он и не нуждался:
Мысль ему веслом служила,
А рулем служила воля;
Обогнать он мог хоть ветер,
Путь держать - куда хотелось.

Кончив труд, он кликнул друга,
Кликнул Квазинда на помощь,
Говоря: "Очистим реку
От коряг и желтых мелей!"

Быстро прыгнул в реку Квазинд,
Словно выдра, прыгнул в реку,
Как бобер, нырять в ней начал,
Погружаясь то по пояс,
То до самых мышек в воду.
С криком стал нырять он в воду,
Поднимать со дна коряги,
Вверх кидать песок руками,
А ногами - ил и травы.

И поплыл мой Гайавата
Вниз по быстрой Таквамино,
По ее водоворотам,
Через омуты и мели,
Вслед за Квазиндом могучим.

Вверх и вниз они проплыли,
Всюду были, где лежали
Корни, мертвые деревья

И пески широких мелей,
И расчистили дорогу,
Путь прямой и безопасный
От истоков меж горами
И до самых вод Повэтин,
До залива Таквамино.

VIII. Гайавата и Мише-Нама

По заливу Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
С длинной удочкой из кедра,
Из коры крученой кедра,
На березовой пироге
Плыл отважный Гайавата.

Сквозь слюду прозрачной влаги
Видал он, как ходят рыбы
Глубоко под дном пироги;
Как резвится окунь, Сава,
Словно солнца луч сияя;
Как лежит на дне песчаном
Шогаши, омар ленивый,
Словно дремлющий тарантул.

На корме сел Гайавата
С длинной удочкой из кедра;
Точно веточки цикуты,
Колебал прохладный ветер
Перья в косах Гайаваты.
На носу его пироги
Села белка, Аджидомо;
Точно травку луговую,
Раздувал прохладный ветер
Мех на шубке Аджидомо.

На песчаном дне на белом
Дремлет мощный Мише-Нама,
Царь всех рыб, осетр тяжелый,
Раскрывает жабры тихо,
Тихо водит плавниками
И хвостом песок взметает.
В боевом вооруженье, -
Под щитами костяными
На плечах, на лбу широком,
В боевых нарядных красках -
Голубых, пурпурных, желтых, -
Он лежит на дне песчаном;
И над ним-то Гайавата

Стал в березовой пироге
С длинной удочкой из кедра.

"Встань, возьми мою приманку! -

Крикнул в воду Гайавата. -

Встань со дна, о Мише-Нама,

Подымись к моей пироге,

Выходи на состязанье!"

В глубину прозрачной влаги

Он лесу свою забросил,

Долго ждал ответа Намы,

Тщетно ждал ответа Намы

И кричал ему все громче:

"Встань, царь рыб, возьми приманку!"

Не ответил Мише-Нама.

Важно, медленно махая

Плавниками, он спокойно

Вверх смотрел на Гайавату,

Долго слушал без вниманья

Крик его нетерпеливый,

Наконец сказал Кенозе,

Жадной щуке, Маскенозе:

"Встань, воспользуйся приманкой,

Оборви лесу нахала!"

В сильных пальцах Гайаваты
Сразу удочка согнулась;
Он рванул ее так сильно,
Что пирога дыбом встала,
Поднялася над водою,
Словно белый ствол березы
С резвой белкой на вершине.

Но когда пред Гайаватой
На волнах затрепетала,
Приближаясь, Маскеноза, -
Гневом вспыхнул Гайавата
И воскликнул: "Иза, иза! -
Стыд тебе, о Маскеноза!
Ты лишь щука, ты не Нама,
Не тебе я кинул вызов!"

Со стыдом на дно вернулась,
Опустилась Маскеноза;
А могучий Мише-Нама
Обратился к Угудвошу,
Неуклюжему Самглаву:
"Встань, воспользуйся приманкой,
Оборви лесу нахала!"

Словно белый, полный месяц,
Встал, качаясь и сверкая,
Угудвош, Самглав тяжелый,
И, схватив лесу, так сильно
Закружился вместе с нею,
Что вверху в водовороте
Завертелася пирога,
Волны, с плеском разбегаясь,
По всему пошли заливу,
А с песчаных белых мелей,
С отдаленного побережья
Закивали, зашумели
Тростники и длинный шпажник.

Но когда пред Гайаватой
Из воды поднялся белый
И тяжелый круг Самглава,
Громко крикнул Гайавата:
"Иза, иза! - Стыд Самглаву!
Угудвош ты, а не Нама,
Не тебе я кинул вызов!"

Тихо вниз пошел, качаясь
И блестя, как полный месяц,

Угудвош прозрачно-белый,
И опять могучий Нама
Услыхал нетерпеливый,
Дерзкий вызов, прозвучавший
По всему Большому Морю.

Сам тогда он с дна поднялся,
Весь дрожа от дикой злобы,
Боевой блистая краской
И доспехами бряцая,
Быстро прыгнул он к пироге,
Быстро выскочил всем телом
На сверкающую воду
И своей гигантской пастью
Поглотил в одно мгновенье
Гайавату и пирогу.

Как бревно по водопаду,
По широким черным волнам,
Как в глубокую пещеру,
Соскользнула в пасть пирога.
Но, очнувшись в полном мраке,
Безнадежно оглянувшись,
Вдруг наткнулся Гайавата
На большое сердце Намы:

Тяжело оно стучало
И дрожало в этом мраке.

И во гневе мощной дланью
Стиснул сердце Гайавата,
Стиснул так, что Мише-Нама
Всеми фибрами затрясся,
Зашумел водой, забился,
Ослабел, ошеломленный
Нестерпимой болью в сердце.

Поперек тогда поставил
Легкий челн свой Гайавата,
Чтоб из чрева Мише-Намы,
В суматохе и тревоге,
Не упасть и не погибнуть.
Рядом белка, Аджидомо,
Резво прыгала, болтала,
Помогала Гайавате
И трудилась с ним все время.

И сказал ей Гайавата:
"О мой маленький товарищ!
Храбро ты со мной трудилась,
Так прими же, Аджидомо,

Благодарность Гайаваты

И то имя, что сказал я:

Этим именем все дети

Будут звать тебя отныне!"

И опять забился Нама,

Заметался, задыхаясь,

А потом затих - и волны

Понесли его к побережью.

И когда под Гайаватой

Зашуршал прибрежный щебень,

Понял он, что Мише-Нама,

Бездыханный, неподвижный,

Принесен волной к побережью.

Тут бессвязный крик и вопли

Услыхал он над собою,

Услыхал шум длинных крыльев,

Переполнивший весь воздух,

Увидал полоску света

Меж широких ребер Намы

И Кайошк, крикливых чаек,

Что блестящими глазами

На него смотрели зорко

И друг другу говорили:

"Это брат наш, Гайавата!"

И в восторге Гайавата
Крикнул им, как из пещеры:
"О Кайошк, морские чайки,
Братья, сестры Гайаваты!
Умертвил я Мише-Наму, -
Помогите же мне выйти
Поскорее на свободу,
Рвите клювами, когтями
Бок широкий Мише-Намы,
И отныне и вовеки
Прославлять вас будут люди,
Называть, как я вас назвал!"

Дикой, шумной стаей чайки
Принялись за работу,
Быстро щели проклевали
Меж широких ребер Намы,
И от смерти в чреве Намы,
От гибели, от плена,
От могилы под водою
Был избавлен Гайавата.

Возле самого вигвама

Стал на берег Гайавата;
Тотчас крикнул он Нокомис,
Вызвал старую Нокомис
Посмотреть на Мише-Наму:
Мертвый он лежал у моря,
И его клевали чайки.

"Умертвил я Мише-Наму,
Победил его! - сказал он. -
Вон над ним уж вьются чайки.
То друзья мои, Нокомис!
Не гони их прочь, не трогай:
Я от смерти в чреве Намы
Был сейчас избавлен ими.
Пусть они свой пир окончат,
Пусть зобы наполнят пищей;
А когда, с заходом солнца,
Улетят они на гнезда,
Принеси котлы и чаши,
Заготовь к зиме нам жиру".

И Нокомис до заката
Просидела на побережье.
Вот и месяц, солнце ночи,
Встал над тихой водою,

Вот и чайки с шумным криком,
Кончив пир свой, поднялись,
Полетели к отдаленным
Островам на Гитчи-Гюми,
И сквозь зарево заката
Долго их мелькали крылья.

Мирным сном спал Гайавата;
А Нокомис терпеливо
Принялася за работу
И трудилась в лунном свете
До зари, пока не стало
Небо красным на востоке.
А когда сменило солнце
Бледный месяц, - с отдаленных
Островов на Гитчи-Гюми
Воротились стаи чаек,
С криком кинулись на пищу.

Трое суток, чередуясь
С престарелою Нокомис,
Чайки жир срывали с Намы.
Наконец меж голых ребер
Волны начали плескаться,
Чайки скрылись, улетели,

И остались на побережье
Только кости Мише-Намы.

IX. Гайавата и Жемчужное Перо

На побережье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
Вышла старая Нокомис,
Простирая в гневе руку
Над водой к стране заката,
К тучам огненным заката.

В гневе солнце заходило,
Пролагая путь багряный,
Зажигая тучи в небе,
Как вожди сжигают степи,
Отступая пред врагами;
А луна, ночное солнце,
Вдруг восстала из засады
И направилась в погоню
По следам его кровавым,
В ярком зареве пожара.

И Нокомис, простирая

Руку слабую к закату,
Говорила Гайавате:
"Там живет волшебник злобный
Меджисогвон, Дух Богатства,
Тот, кого Пером Жемчужным
Называют все народы;
Там озера смоляные
Разливаются, чернея,
До багряных туч заката;
Там, среди трясины мрачной,
Вьются огненные змеи,
Змеи страшные, Кинэбик!
То хранители и слуги
Меджисогвона-убийцы.

Это им убит коварно
Мой отец, когда на землю
Он с луны за мной спустился
И меня искал повсюду.
Это злобный Меджисогвон
Посылает к нам недуги,
Посылает лихорадки,
Дышит белой мглою с тундры,
Дышит сыростью болотных,
Смертоносных испарений!

Лук возьми свой, Гайавата,
Острых стрел возьми с собою,
Томагаук, Поггэвогон,
Рукавицы, Минджикэвон,
И березовую лодку.

Желтым жиром Мише-Намы
Смажь бока ее, чтоб легче
Было плыть ей по болотам,
И убей ты чародея,
Отомсти врагу Нокомис,
Отомсти врагу народа!"

Быстро в путь вооружился
Благородный Гайавата;
Легкий челн он сдвинул в воду,
Потрепал его рукою,
Говоря: "Вперед, пирога,
Друг мой верный и любимый,
К змеям огненным, Кинэбик,
К смоляным озерам черным!"

Гордо вдаль неслась пирога,
Грозно песню боевую
Пел отважный Гайавата;

А над ним Киню могучий,
Боевой орел могучий,
Вождь пернатых, с диким криком
В небесах кругами плавал.

Скоро он и змей увидел,
Исполинских змей увидел,
Что лежали средь болота,
Ежась, искрясь средь болота,
На пути сплетаясь в кольца,
Подымаясь, наполняя
Воздух огненным дыханьем,
Чтоб никто не мог проникнуть
К Меджисогвону в жилище.

Но бесстрашный Гайавата,
Громко крикнув, так сказал им:

"Прочь с дороги, о Кинэбик!
Прочь с дороги Гайаваты!"

А они, свирепо ежась,
Отвечали Гайавате
Свистом, огненным дыханьем:

"Отступи, о Шогодайя!
Воротись к Нокомис старой!"

И тогда во гневе поднял
Мощный лук свой Гайавата,
Сбросил с плеч колчан - и начал
Поражать их беспощадно:
Каждый звук тугой и крепкой
Тетивы был криком смерти,
Каждый свист стрелы певучей
Песнью смерти и победы!

Тяжело в воде кровавой
Змеи мертвые качались,
И победно Гайавата
Плыл меж ними, восклицая:
"О, вперед, моя пирога,
К смоляным озерам черным!"

Желтым жиром Мише-Намы
Он бока и нос пироги
Густо смазал, чтобы легче
Было плыть ей по болотам.
И до света одиноко
Плыл он в этом сонном мире,
Плыл в воде, густой и черной,
Вековой корой покрытой
От размытых и гниющих

Камышей и листьев лилий;
И безжизненно и мрачно
Перед ним вода блестела,
Озаренная луною,
Озаренная мерцаньем
Огоньков, что зажигают
Души мертвых на стоянках
В час тоскливой, долгой ночи.

Белым месячным сияньем
Тихий воздух был наполнен;
Тени ночи по болотам
Далеко кругом чернели;
А москиты Гайавате
Пели песню боевую;
Светляки, блестя, кружились,
Чтобы сбить его с дороги,
И в густой воде Дагинда
Тяжело зашевелилась,
Тупо желтыми глазами
Поглядела на пирогу,
Зарыдала - и исчезла;
И мгновенно огласилось
Все кругом стозвучным свистом,
И Шух-шух-га издалика

С камышового побережья
Возвестила громким криком
О прибытии героя!

Так держал путь Гайавата,
Так держал он путь на запад,
Плыл всю ночь, пока не скрылся
С неба бледный, полный месяц.

А когда пригрело солнце,
Стало плечи жечь лучами,
Увидал он пред собою
На холме Вигвам Жемчужный -
Меджисогвона жилище.

Вновь тогда своей пироге
Он сказал; "Вперед!" - и быстро,
Величаво и победно
Пронеслась она средь лилий,
Чрез густой прибрежный шпажник.

И на берег Гайавата
Вышел, ног не замочивши.

Тотчас взял он лук свой верный,
Утвердил в песке, коленом
Надавил посередине

И могучей тетивую
Запустил стрелу-певунью,
Запустил в Вигвам Жемчужный,
Как гонца с своим посланьем,
С гордым вызовом на битву:
"Выходи, о Меджисогвон:
Гайавата ожидает".

Быстро вышел Меджисогвон
Из Жемчужного Вигвама,
Быстро вышел он, могучий,
Рослый и широкоплечий,
Сумрачный и страшный видом,
С головы до ног покрытый
Украшеньями, оружием,
В алых, синих, желтых красках,
Словно небо на рассвете,
В развевающихся перьях
Из орлиных длинных крыльев.

"А, да это Гайавата! -
Громко крикнул он с насмешкой,
И, как гром, тот крик раздался. -
Отступи, о Шогодайя!
Уходи скорее к бабам,

Уходи к Нокомис старой!

Я убью тебя на месте,

Как ее отца убил я!"

Но без страха, без смущенья

Отвечал мой Гайавата:

"Хвастовством и грубым словом

Не сразишь, как томагавком;

Дело лучше слов бесплодных

И острей насмешек стрелы.

Лучше действовать, чем хвастать!"

И начался бой великий,

Бой, невиданный под солнцем!

От восхода до заката -

Целый летний день он длился,

Ибо стрелы Гайаваты

Бесполезно ударялись

О жемчужную кольчугу.

Бесполезны были даже

Рукавицы, Минджикэвон,

И тяжелый томагаук:

Раздроблять он мог утесы,

Но колец не мог разбить он

В заколдованной кольчуге.

Наконец перед закатом,
Весь израненный, усталый,
С расщепленным томагавком,
С рукавицами, в лохмотьях
И с тремя стрелами только,
Гайавата безнадежно
На упругий лук склонился
Под старинною сосною;
Мох с ветвей ее тянулся,
А на пне грибы желтели -
Мертвецов печальных обувь.

Вдруг зеленый дятел, Мэма,
Закричал над Гайаватой:
"Целься в темя, Гайавата,
Прямо в темя чародея,
В корни кос ударь стрелою:
Только там и уязвим он!"

В легких перьях, в халцедоне,
Понеслась стрела-певунья
В тот момент, как Меджисогвон
Поднимал тяжелый камень,
И вонзилась прямо в темя,

В корни длинных кос вонзилась.

И споткнулся, зашатался
Меджисогвон, словно буйвол,
Да, как буйвол, пораженный
На лугу, покрытом снегом.

Вслед за первою стрелою
Полетела и вторая,
Понеслась быстрее первой,
Поразила глубже первой;
И колени чародея,
Как тростник, затрепетали,
Как тростник, под ним согнулись.

А последняя взвилась
Легче всех - и Меджисогвон
Увидал перед собою
Очи огненные смерти,
Услыхал из мрака голос,
Голос Погока призывный.
Без дыхания, без жизни
Пал могучий Меджисогвон
На песок пред Гайаватой.

Благодарный Гайавата

Взял тогда немного крови
И, позвав с сосны печальной
Дятла, выкрасил той кровью
На головке дятла гребень
За его услугу в битве;
И донине Мэма носит
Хохолок из красных перьев.

После, в знак своей победы,
В память битвы с чародеем,
Он сорвал с него кольчугу
И оставил без призора
На песке прибрежном тело.
На песке оно лежало,
Погребенное по пояс,
Головой поникнув в воду,
А над ним кружился с криком
Боевой орел могучий,
Плавал медленно кругами,
Тихо, тихо вниз спускаясь.

Из вигвама чародея
Гайавата снес в пирогу
Все сокровища, весь вампум,
Снес меха бобров, бизонов,

Соболей и горностаев,
Нитки жемчуга, колчаны
И серебряные стрелы -
И поплыл домой, ликуя,
С громкой песнею победы.

Там к нему на берег вышли
Престарелая Нокомис,
Чайбайабос, мощный Квазинд;
А народ героя встретил
Пляской, пеньем, восклицая:
"Слава, слава Гайавате!
Побежден им Меджисогвон,
Побежден волшебник злобный!"

Навсегда остался дорог
Гайавате дятел, Мэма.
В честь его и в память битвы
Он свою украсил трубку
Хохолком из красных перьев,
Гребешком багровым Мэмы,
А богатство чародея
Разделил с своим народом,
Разделил, по равной части.

Х. Сватовство Гайаваты

"Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивой;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянет,
Но сама с ним неразлучна;
Порознь оба бесполезны!"

Так раздумывал нередко
Гайавата и томился
То отчаяньем, то страстью,
То тревожною надеждой,
Предаваясь пылким грезам
О прекрасной Миннегаге
Из страны Дакотов диких.

Осторожная Нокомис
Говорила Гайавате:
"Не женись на чужеземке,
Не ищи жены по свету!
Дочь соседа, хоть простая, -
Что очаг в родном вигваме,

Красота же чужеземки -
Это лунный свет холодный,
Это звездный блеск далекий!"

Так Нокомис говорила.
Но разумно Гайавата
Отвечал ей: "О Нокомис!
Мил очаг в родном вигваме,
Но милей мне звезды в небе,
Ясный месяц мне милее!"

Строго старая Нокомис
Говорила: "Нам не нужно
Праздных рук и ног ленивых;
Приведи жену такую,
Чтоб работала с любовью,
Чтоб проворны были руки,
Ноги двигались охотно!"

Улыбаясь, Гайавата
Молвил: "Я в земле Дакотов
Стрелоделателя знаю;
У него есть дочь-невеста,
Что прекрасней всех прекрасных;
Я введу ее в вигвам твой,

И она тебе в работе
Будет дочерью покорной,
Будет лунным, звездным светом,
Огоньком в твоём вигваме,
Солнцем нашего народа!"

Но опять свое твердила
Осторожная Нокомис:
"Не вводи в мое жилище
Чужеземку, дочь Дакота!
Злобны дикие Дакоты,
Часто мы воюем с ними,
Распри наши не забыты,
Раны наши не закрылись!"

Усмехаясь, Гайавата
И на это ей ответил:
"Потому-то и пойду я
За невестой в край Дакотов,
Для того пойду, Нокомис,
Чтоб окончить наши распри,
Залечить навеки раны!"

И пошел в страну красавиц,
В край Дакотов, Гайавата,

В путь далекий по долинам,
В тишине равнин пустынных,
В тишине лесов дремучих.

С каждым шагом делал милю
Он в волшебных мокасинах;
Но быстрее бежали мысли,
И дорога бесконечной
Показалась Гайавате!

Наконец, в безмолвье леса
Услыхал он гул потоков,
Услыхал призывный грохот
Водопадов Миннегаги.

"О, как весел, - прошептал он, -
Как отраден этот голос,
Призывающий в молчанье!"

Меж деревьев, где играли
Свет и тени, он увидел
Стадо чуткое оленей.

"Не сплошай!" - сказал он луку,
"Будь верней!" - стреле промолвил,
И когда стрела-певунья,
Как оса, впилась в оленя,
Он взвалил его на плечи

И пошел еще быстрее.

У дверей в своем Вигваме,
Вместе с милой Миннегагой,
Стрелоделатель работал.
Он точил на стрелы яшму,
Халцедон точил блестящий,
А она плела в раздумье
Тростниковые циновки;
Все о том, что будет с нею,
Тихо девушка мечтала,
А старик о прошлом думал.

Вспоминал он, как, бывало,
Вот такими же стрелами
Поражал он на долинах
Робких ланей и бизонов,
Поражал в лугах зеленых
На лету гусей крикливых;
Вспоминал и о великих
Боевых отрядах прежних,
Покупавших эти стрелы.
Ах, уж нет теперь подобных
Славных воинов на свете!
Ныне воины что бабы:

Языком болтают только!

Миннегага же в раздумье
Вспоминала, как весною
Приходил к отцу охотник,
Стройный юноша-красавец
Из земли Оджибуэев,
Как сидел он в их вигваме,
А простившись, обернулся,
На нее взглянул украдкой.
Сам отец потом нередко
В нем хвалил и ум и храбрость.
Только будет ли он снова
К водопадам Миннегаги?
И в раздумье Миннегага
Вдаль рассеянно глядела,
Опускала праздно руки.

Вдруг почудился ей шорох,
Чья-то поступь в чаще леса,
Шум ветвей, - и чрез мгновенье,
Разрумяненный ходьбою,
С мертвой ланью за плечами,
Стал пред нею Гайавата.

Строгий взор старик на гостя
Быстро вскинул от работы,
Но, узнавши Гайавату,
Отложил стрелу, поднялся
И просил войти в жилище.
"Будь здоров, о Гайавата!" -
Гайавате он промолвил.

Пред невестой Гайавата
Сбросил с плеч свою добычу,
Положил пред ней оленя;
А она, подняв ресницы,
Отвечала Гайавате
Кроткой лаской и приветом:
"Будь здоров, о Гайавата!"

Из оленьей крепкой кожи
Сделан был вигвам просторный,
Побелен, богато убран
И дакотскими богами
Разрисован и расписан.
Двери были так высоки,
Что, входя, едва нагнулся
Гайавата на пороге,
Чуть коснулся занавесок

Головой в орлиных перьях.

Встала с места Миннегага,
Отложив свою работу,
Принесла к обеду пищи,
За водой к ручью сходила
И стыдливо подавала
С пищей глиняные миски,
А с водой - ковши из липы.
После села, стала слушать
Разговор отца и гостя,
Но сама во всей беседе
Ни словечка не сказала!

Да, как будто сквозь дремоту
Услыхала Миннегага
О Нокомис престарелой,
Воспитавшей Гайавату,
О друзьях его любимых
И о счастье, о довольстве
На земле Оджибуэев,
В тишине долин веселых.

"После многих лет раздора,
Многих лет борьбы кровавой

Мир настал теперь в селеньях

Оджибвэев и Дакотов! -

Так закончил Гайавата,

А потом прибавил тихо: -

Чтобы этот мир упрочить,

Закрепить союз сердечный,

Закрепить навеки дружбу,

Дочь свою отдай мне в жены,

Отпусти в мой край родимый,

Отпусти к нам Миннегагу!"

Приздумался немного

Старец, прежде чем ответить,

Покурил в молчанье трубку,

Посмотрел на гостя гордо,

Посмотрел на дочь с любовью

И ответил очень важно:

"Это воля Миннегаги.

Как решишь ты, Миннегага?"

И смутилась Миннегага

И еще милей и краше

Стала в девичьем смущенье.

Робко рядом с Гайаватой

Опустилась Миннегага

И, краснея, отвечала:
"Я пойду с тобою, муж мой!"

Так решила Миннегага!
Так сосватал Гайавата,
Взял красавицу невесту
Из страны Дакотов диких!

Из вигвама рядом с нею
Он пошел в родную землю.
По лесам и по долинам
Шли они рука с рукою,
Оставляя одиноким
Старика отца в вигваме,
Покидая водопады,
Водопады Миннегаги,
Что зывали издалека:
"Добрый путь, о Миннегага!"

А старик, простившись с ними,
Сел на солнышко к порогу
И, копаясь за работой,
Бормотал: "Вот так-то дочери!
Любишь их, лелеешь, холишь,
А дождешься их опоры,

Глядь - уж юноша приходит,
Чужеземец, что на флейте
Поиграет да побродит
По деревне, выбирая
Покрасивее невесту, -
И простись навеки с дочкой!"

Весел был их путь далекий
По холмам и по долинам,
По горам и по ущельям,
В тишине лесов дремучих!
Быстро время пролетало,
Хоть и тихо Гайавата
Шел теперь - для Миннегаги,
Чтоб она не утомилась.

На руках через стремнины
Нес он девушку с любовью, -
Легким перышком казалась
Эта ноша Гайавате.
В дебрях леса, под ветвями,
Он прокладывал тропинки,
На ночь ей шалаш построил,
Постелил постель из листьев
И развел костер у входа

Из сухих сосновых шишек.

Ветерки, что вечно бродят
По лесам и по долинам,
Путь держали вместе с ними;
Звезды чутко охраняли
Мирный сон их темной ночью;
Белка с дуба зорким взглядом
За влюбленными следила,
А Вабассо, белый кролик,
Убегал от них с тропинки
И, привстав на задних лапках,
Из норы глядел украдкой
С любопытством и со страхом.

Весел был их путь далекий!
Птицы сладко щебетали,
Птицы звонко пели песни
Мирной радости и счастья.
"Ты счастлив, о Гайавата,
С кроткой, любящей женою!" -
Пел Овейса синеперый.
"Ты счастлива, Миннегага,
С благородным, мудрым мужем!" -
Опечи пел красногрудый.

Солнце ласково глядело
Сквозь тенистые деревья,
Говорило им: "О дети!
Злоба - тьма, любовь - свет солнца,
Жизнь играет тьмой и светом, -
Правь любовью, Гайавата!"

Месяц с неба в час полночный
Заглянул в шалаш, наполнил
Мрак таинственным сияньем
И шепнул им: "Дети, дети!
Ночь тиха, а день тревожен;
Жены слабы и покорны,
А мужья властолюбивы, -
Правь терпеньем, Миннегага!"

Так они достигли дома,
Так в вигвам Нокомис старой
Возвратился Гайавата
Из страны Дакотов диких,
Из страны красивых женщин,
С Миннегагою прекрасной.
И была она в вигваме
Огоньком его вечерним,

Светом лунным, светом звездным,
Светлым солнцем для народа.

XI. Свадебный пир Гайаваты

Стану петь, как По-Пок-Кивис,
Как красавец Йенадиззи
Танцевал под звуки флейты,
Как учтивый Чайбайабос,
Сладкогласный Чайбайабос
Песни пел любви-томленья
И как Ягу, дивный мастер
И рассказывать и хвастать,
Сказки сказывал на свадьбе,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!

Пышный пир дала Нокомис,
Пышно праздновала свадьбу!
Чаши были все из липы,
Ярко-белые и с глянцем,
Ложки были все из рога,
Ярко-черные и с глянцем.

В знак торжественного пира,
Приглашения на свадьбу,
Всем соседям ветви ивы
В этот день она послала;
И соседи собрались
К пиру в праздничных нарядах,
В дорогих мехах и перьях,
В разноцветных ярких красках,
В пестром вампуме и бусах.

На пиру они сначала
Осетра и щуку ели,
Приготовленных Нокомис;
После - пимикан олений,
Пимикан и мозг бизона,
Горб быка и ляжку лани,
Рис и желтые лепешки
Из толченой кукурузы.

Но радушный Гайавата,
Миннегага и Нокомис
При гостях не сели к пище:
Только потчевали молча,
Только молча им служили.

А когда обед был кончен,
Хлопотливая Нокомис
Из большого меха выдры
Тотчас каменные трубки
Табакom набила южным,
Табакom с травой пахучей
И с корою красной ивы.

После ласково сказала:
"Протанцуй нам, По-Пок-Кивис,
Танец Нищего веселый,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!"

И красавец По-Пок-Кивис,
Беззаботный Йенадиззи,
Озорник, всегда готовый
Веселиться и буянить,
Тотчас встал среди собранья.
Ловок был он в плясках, в танцах,
В состязаньях и забавах,
Смел и ловок в разных играх,
Даже в самых трудных играх!

На деревне По-Пок-Кивис
Слыл пропащим человеком,
Игроком, лентяем, трусом;
Но насмешки и прозванья
Не смущали Йенадиззи:
Ведь зато он был красавец
И большой любимец женщин!

Он стоял в одежде белой
Из пушистой ланьей шкуры,
Окаймленной горностаем,
Густо вмпумом расшитой
И ежовою щетиной;
В головном его уборе
Колыхался пух лебязий;
На козловых мокалинах
Красовались иглы, бисер
И хвосты лисиц - на пятках,
А в руках держал он трубку
И большое опахало.

Краской желтою и красной,
Краской алою и синей
Все лицо его сияло;
В косы, смазанные маслом,

И с пробором, как у женщин,
Вплетены гирлянды были
Из пахучих трав и листьев.
Вот как убран и наряжен
Встал красавец По-Пок-Кивис,
Встал при звуках флейт и песен,
Голосов и барабанов
И свой дивный танец начал.

Танцевал он прежде важно,
Выступая меж деревьев -
То под тенью, то на солнце -
Мягким шагом, как пантера;
После - все быстрее, быстрее
Закружился, завертелся,
Вкруг вигвама начал прыгать
Через головы сидящих
Так, что ветер, пыль и листья
Понеслись за ним кругами!

А потом вдоль Гитчи-Гюми,
По песчаному побережью,
Как безумный, он помчался,
Ударяя с дикой силой
Мокадинами об землю,

Так, что ветер стал уж бурей,
Засвистал песок, вздымаясь,
Словно вьюга по пустыне,
И покрылося побережье
Все холмами Нэго-Воджу!
Так веселый По-Пок-Кивис
Танец Нищего окончил,
И, окончив, возвратился
К месту пира, сел с гостями,
Сел, спокойно улыбаясь
И махая опахалом.

После друга Гайаваты,
Чайбайабоса, просили:
"Спой нам песню, Чайбайабос,
Песню страсти, песню неги,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!"

И прекрасный Чайбайабос
Спел им нежно, сладкозвучно,
Спел в волнении глубоком
Песню страсти, песню неги;
Все смотря на Гайавату,

Все смотря на Миннегагу,

Тихо пел он эту песню:

"Онэвэ! Проснись, родная!

Ты, лесной цветочек дикий,

Ты, лугов зеленых птичка,

Птичка дикая, певунья!

Взор твой кроткий, взор косули,

Так отраден, так отраден,

Как роса для нежных лилий

В час вечерний на долине!

А твое дыханье сладко,

Как цветов благоуханье,

Как дыханье их зарею

В Месяц Падающих Листьев!

Не стремлюсь ли я всем сердцем

К сердцу милой, к сердцу милой,

Как ростки стремятся к солнцу

В тихий Месяц Светлой Ночи?

Онэвэ! Трепещет сердце

И поет тебе в восторге,

Как поют, вздыхают ветви
В ясный Месяц Земляники!

Загрустишь ли ты, родная, -
И мое темнеет сердце,
Как река, когда над нею
Облака бросают тени!

Улыбнешься ли, родная, -
Сердце вновь дрожит и блещет,
Как под солнцем блещут волны,
Что рябит холодный ветер!

Пусть улыбкою сияют
Небеса, земля и воды, -
Не могу я улыбаться,
Если милой я не вижу!

Я с тобой, с тобой! Взгляни же,
Кровь трепещущего сердца!
О, проснись! Проснись, родная!
Онэвэ! Проснись, родная!"

Так прекрасный Чайбайабос
Песню пел любви-томленья;

И хвастливый, старый Ягу,
Удивительный рассказчик,
Слушал с завистью, как гости
Восторгались сладким пенъем;
Но потом, по их улыбкам,
По глазам и по движениям
Увидал, что все собрание
С нетерпеньем ожидает
И его веселых басен,
Непомерно лживых сказок.

Очень был хвастлив мой Ягу!
В самых дивных приключеньях,
В самых смелых предприятиях -
Всюду был героем Ягу:
Он узнал их не по слухам,
Он воочию их видел!

Если б только Ягу слушать,
Если б только Ягу верить,
То нигде никто из лука
Не стреляет лучше Ягу,
Не убил так много ланей,
Не поймал так много рыбы
Иль речных бобров в капканы.

Кто резвее всех в деревне?
Кто всех дальше может плавать?
Кто ныряет всех смелее?
Кто постранствовал по свету
И диковин насмотрелся?
Уж, конечно, это Ягу,
Удивительный рассказчик.

Имя Ягу стало шуткой
И пословицей в народе;
И когда хвастун-охотник
Чересчур охотой хвастал
Или воин завирался,
Возвратившись с поля битвы,
Все кричали: "Ягу, Ягу!
Новый Ягу появился!"

Это он связал когда-то
Из коры зеленой липы
Люльку жилами оленя
Для малютки Гайаваты.
Это он ему позднее
Показал, как надо делать
Лук из ясеня упругий,

А из сучьев дуба - стрелы.

Вот каков был этот Ягу,
Безобразный, старый Ягу,
Удивительный рассказчик!

И промолвила Нокомис:

"Расскажи нам, добрый Ягу,
Почудесней сказку, басню,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!"

И ответил Ягу тотчас:

"Вы услышите сегодня
Повесть - дивное сказанье
О волшебнике Оссэо,
Что сошел с Звезды Вечерней!"

XII. Сын Вечерней Звезды

"То не солнце ли заходит
Над равниной водяною?
Иль то раненый фламинго
Тихо плавает, летает,

Обагрят волны кровью,
Кровью, падающей с перьев,
Наполняет воздух блеском,
Блеском длинных красных перьев?

Да, то солнце утопает,
Погружаясь в Гитчи-Гюми;
Небеса горят багрянцем,
Воды блещут алой краской!
Нет, то плавает фламинго,
В волны красные ныряя;
К небесам простер он крылья
И окрасил волны кровью!

Огонек Звезды Вечерней
Тает, в пурпуре трепещет,
В полумгле висит над морем.
Нет, то вампум серебрится
На груди Владыки Жизни,
То Великий Дух проходит
Над темнеющим закатом!

На закат смотрел с восторгом
Долго, долго старый Ягу;
Вдруг воскликнул: "Посмотрите!

Посмотрите на священный
Огонек Звезды Вечерней!
Вы услышите сказанье
О волшебнике Оссэо,
Что сошел с Звезды Вечерней!

В незапамятные годы,
В дни, когда еще для смертных
Небеса и сами боги
Были ближе и доступней,
Жил на севере охотник
С молодыми дочерями;
Десять было их, красавиц,
Стройных, гибких, словно ива,
Но прекрасней всех меж ними
Овини была, меньшая.

Вышли девушки все замуж,
Все за воинов отважных,
Овини одна не скоро
Жениха себе сыскала.
Своенравна и сурова,
Молчалива и печальна
Овини была - и долго
Женихов, красавцев юных,

Прогоняла прочь с насмешкой,
А потом взяла да вышла
За убогого Оссэо!
Нищий, старый, безобразный,
Вечно кашлял он, как белка.

Ах, но сердце у Оссэо
Было юным и прекрасным!
Он сошел с Звезды Заката,
Он был сын Звезды Вечерней,
Сын Звезды любви и страсти!

И огонь ее, и чары,
И краса, и блеск лучистый -
Все в груди его таилось,
Все в речах его сверкало!

Женихи, любовь которых
Овини отвергла гордо, -
Йенадиззи в ожерельях,
В пышных перьях, ярких красках
Насмехались над нею;
Но она им так оказала:
"Что за дело мне до ваших
Ожерелий, красок, перьев
И насмешек непристойных!"

Я счастлива за Оссэо!"

Раз в ненастный, темный вечер

Шли веселою толпою

На веселый праздник сестры, -

Шли на званый пир с мужьями;

Тихо следовал за ними

С молодой женой Оссэо.

Все шутили и смеялись -

Эти двое шли в молчанье.

На закат смотрел Оссэо,

Взор подняв, как бы с мольбою;

Отставал, смотрел с мольбою

На Звезду любви и страсти,

На трепещущий и нежный

Огонек Звезды Вечерней;

И расслышали все сестры,

Как шептал Оссэо тихо:

"Ах, шовэн нэмэшин, Ноза! -

Сжался, сжался, о отец мой!"

"Слышишь? - старшая сказала.

Он отца о чем-то просит!

Право, жаль, что старикашка

Не споткнется на дороге,
Головы себе не сломит!"
И смеялись сестры злобно
Непристойным, громким смехом.

На пути их, в дебрях леса,
Дуб лежал, погибший в бурю,
Дуб-гигант, покрытый мохом,
Полусгнивший под листвою,
Почерневший и дуплистый.

Увидав его, Оссэо
Испустил вдруг крик тоскливый
И в дупло, как в яму, прыгнул.
Старым, дряхлым, безобразным
Он упал в него, а вышел -
Сильным, стройным и высоким,
Статным юношей, красавцем!

Так вернулася к Оссэо
Красота его и юность;
Но - увы! - за ним мгновенно
Овини преобразилась!
Стала древнею старухой,
Дряхлой, жалкою старухой,
Поплелась с клюкой, согнувшись,

И смеялись все над нею
Непристойным, громким смехом.

Но Оссэо не смеялся,
Овини он не покинул,
Нежно взял ее сухую
Руку - темную, в морщинах,
Как дубовый лист зимою,
Называл своею милой,
Милым другом, Нинимуша,
И пришел с ней к месту пира,
Сел за трапезу в вигваме.
Тот вигвам в лесу построен
В честь святой Звезды Заката.

Очарованный мечтами,
На пиру сидел Оссэо.
Все шутили, веселились,
Но печален был Оссэо!
Не притронулся он к пище,
Не сказал ни с кем ни слова,
Не слышал речей веселых;
Лишь смотрел с тоской во взоре
То на Овини, то кверху,
На сверкающие звезды.

И пронесся тихий шепот,
Тихий голос, зазвучавший
Из воздушного пространства,
От далеких звезд небесных.

Мелодично, смутно, нежно
Говорил он: "О Оссэо!
О возлюбленный, о сын мой!

Тяготели над тобою
Чары злобы, темной силы,
Но разрушены те чары;
Встань, приди ко мне, Оссэо!

Яств отведай этих дивных,
Яств вкуси благословенных,
Что стоят перед тобою;
В них волшебная есть сила:
Их вкусив, ты станешь духом;
Все твои котлы и блюда
Не простой посудой будут:
Серебром котлы заблещут,
Блюда - в вампум превратятся.
Будут все огнем светиться,
Блеском раковин пурпурных.

И спадет проклятье с женщин,
Иго тягостной работы:
В птиц они все превратятся,
Засияют звездным светом,
Ярким отблеском заката
На вечерних нежных тучках".

Так сказал небесный голос;
Но слова его понятны
Были только для Оссэо,
Остальным же он казался
Грустным пеньем Вавонэйсы,
Пеньем птиц во мраке леса,
В отдаленных чащах леса.

Вдруг жилище задрожало,
Зашаталось, задрожало,
И почувствовали гости,
Что возносятся на воздух!
В небеса, к далеким звездам,
В темноте ветвистых сосен,
Плыл вигвам, минуя ветви,
Миновал - и вот все блюда
Засияли алой краской,
Все котлы из сизой глины -

Вмиг серебряными стали,
Все шести вигвама ярко
Засверкали в звездном свете,
Как серебряные прутья,
А его простая кровля -
Как жуков блестящих крылья.

Поглядел кругом Оссэо
И увидел, что и сестры
И мужья сестер-красавиц
В разных птиц все превратились:
Были тут скворцы с дроздами,
Были сойки и сороки,
И все прыгали, порхали,
Охорашивались, пели,
Щеголяли блеском перьев,
Распускали хвост, как веер.

Только Овини осталась
Дряхлой, жалкою старухой
И в тоске сидела молча.
Но, взглянувши вверх, Оссэо
Испустил вдруг крик тоскливый,
Вопль отчаянья, как прежде,
Над дуплистым старым дубом,

И мгновенно к ней вернулась

Красота ее и юность;

Все ее лохмотья стали

Белым мехом горностая,

А клюка - пером блестящим,

Да, серебряным, блестящим!

И опять вигвам поднялся,

В облаках поплыл прозрачных,

По воздушному теченью,

И пристал к Звезде Вечерней, -

На звезду спустился тихо,

Как снежинка на снежинку,

Как листок на волны речки,

Как пушок репейный в воду.

Там с приветливой улыбкой

Вышел к ним отец Оссэо,

Старец с кротким, ясным взором,

С серебристыми пудрями,

И сказал: "Повесь, Оссэо,

Клетку с птицами своими,

Клетку с пестрой птичьей стаей,

У дверей в моем вигваме!"

У дверей повесив клетку,
Он вошел в вигвам с женою,
И тогда отец Оссэо,
Властелин Звезды Вечерней,
Им сказал: "О мой Оссэо!
Я мольбы твои слышал,
Возвратил тебе, Оссэо,
Красоту твою и юность,
Превратил сестер с мужьями
В разноперых птиц за шутки,
За насмешки над тобою.
Не сумел никто меж ними
Оценить в убогом старце,
В жалком образе калеки
Сердца пылкого Оссэо,
Сердца вечно молодого.
Только Овини сумела
Оценить тебя, Оссэо!

Там, на звездочке, что светит
От Звезды Вечерней влево,
Чародей живет, Вэбино,
Дух и зависти и злобы;
Превратил тебя он в старца.
Берегись лучей Вэбино:

В них волшебная есть сила, -
    Это стрелы чародея!"

Долго, в мире и согласье,
На Звезде Вечерней мирной
Жил с отцом своим Оссэо;
Долго в клетке над вигвамом
    Птицы пели и порхали
На серебряных шесточках,
    И супруга молодая
    Родила Оссэо сына:
В мать он вышел красотой,
А в отца - дородным видом.

Мальчик рос, мужал с годами,
    И отец, ему в утеху,
Сделал лук и стрел наделал,
    Отворил большую клетку
И пустил всех птиц на волю,
Чтоб, стреляя в теток, в дядей,
    Позабавился малютка.

Там и сям они кружились,
Наполняя воздух звонким
Пеньем счастья и свободы,

Блеском перьев разноцветных;
Но напряг свой лук упругий,
Запустил стрелу из лука
Мальчик, маленький охотник, -
И упала с ветки птичка,
В ярких перышках, на землю,
Насмерть раненная в сердце.

Но - о, чудо! - уж не птицу
Видит он перед собою,
А красавицу младую
С роковой стрелой в сердце!

Кровь ее едва упала
На священную планету,
Как разрушились чары,
И стрелок отважный, юный
Вдруг почувствовал, что кто-то
По воздушному пространству
В облаках его спускает
На зеленый, злачный остров
Посреди Большого Моря.

Вслед за ним блестящей стаей
Птицы падали, летали,

Как осеннею порою
Листья падают, пестрея,
А за птицами спустился
И вигвам с блестящей кровлей,
На серебряных стропилах,
И принес с собой Оссэо,
Овини принес с собою.

Вновь тут птицы превратились,
Получили образ смертных,
Образ смертных, но не рост их:
Все Пигмеями остались,
Да, Пигмеями - Пок-Вэджис,
И на острове скалистом,
На его прибрежных мелях
И доньне хороводы
Водят летними ночами
Под Вечернею Звездою.

Это их чертог блестящий
Виден в тихий летний вечер;
Рыбаки с побережья часто
Слышат их веселый говор,
Видят танцы в звездном свете".

Кончив свой рассказ чудесный,
Кончив сказку, старый Ягу
Всех гостей обвел глазами
И торжественно промолвил:
"Есть возвышенные души,
Есть непонятые люди!
Я знавал таких немало.
Зубоскалы их нередко
Даже на смех поднимают,
Но насмешники должны бы
Чаще думать об Оссэо!"

Очарованные гости
Повесть слушали с восторгом
И рассказчика хвалили,
Но шептались друг с другом:
"Неужель Оссэо - Ягу,
Мы же - тетушки и дяди?"

После снова Чайбайабос
Пел им песнь любви-томленья,
Пел им нежно, сладкозвучно
И с задумчивой печалью
Песню девушки, скорбящей
Об Алгонкине, о милом.

"Горе мне, когда о милом,
Ах, о милом я мечтаю,
Все о нем томлюсь-тоскую,
Об Алгонкине, о милом!

Ах, когда мы расставались,
Он на память дал мне вампум,
Белоснежный дал мне вампум,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

"Я пойду с тобой, - шептал он, -
Ах, в твою страну родную;
О, позволь мне", - прошептал он,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

"Далеко, - я отвечала, -
Далеко, - я прошептала, -
Ах, страна моя родная,
Мой возлюбленный, Алгонкин!"

Обернувшись, я глядела,
На него с тоской глядела,
И в мои глядел он очи,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

Он один стоял под ивой,
Под густой плакучей ивой,
Что роняла слезы в воду,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

Горе мне, когда о милом,
Ах, о милом я мечтаю,
Все о нем томлюсь-тоскую,
Об Алгонкине, о милом!"

Вот как праздновали свадьбу!
Вот как пир увеселяли:
По-Пок-Кивис - бурной пляской,
Ягу - сказкою волшебной,
Чайбайабос - нежной песней.
С песней кончился и праздник,
Разошлись со свадьбы гости
И оставили счастливых
Гайавату с Миннегагой
Под покровом темной ночи.

ХIII. Благословение полей

Пой, о песнь о Гайавате,
Пой дни радости и счастья,
Безмятежные дни мира
На земле Оджибуэв!
Пой таинственный Мондамин,
Пой полей благословенье!

Погребен топор кровавый,
Погребен навеки в землю
Тяжкий, грозный томагаук;
Позабыты клики битвы, -
Мир настал среди народов.
Мирно мог теперь охотник
Строить белую пирогу,
На бобров капканы ставить
И ловить сетями рыбу;
Мирно женщины трудились:
Гнали сладкий сок из клена,
Дикий рис в лугах собирали
И выделявали кожи.

Вкруг счастливого селенья
Зеленели пышно нивы, -
Вырастал Мондамин стройный
В глянцевитых длинных перьях,

В золотистых мягких косах.

Это женщины весною

Обрабатывали нивы, -

Хоронили в землю маис

На равнинах плодородных;

Это женщины под осень

Желтый плащ с него срывали,

Обрывали косы, перья,

Как учил их Гайавата.

Раз, когда посев был кончен,

Рассудительный и мудрый

Гайавата обратился

К Миннегаге и сказал ей:

"Ты должна сегодня ночью

Дать полям благословенье;

Ты должна волшебным кругом

Обвести свои посевы,

Чтоб ничто им не вредило,

Чтоб никто их не коснулся!

В час ночной, когда все тихо,

В час, когда все тьмой покрыто,

В час, когда Дух Сна, Нэпавин,

Затворяет все вигвамы,

И ничье не слышит ухо,
И ничье не видит око, -
С ложа встань ты осторожно,
Все сними с себя одежды,
Обойди свои посевы,
Обойди кругом все нивы,
Только косами прикрыта,
Только тьмой ночной одета.

И обильней будет жатва;
От следов твоих на ниве
Круг останется волшебный,
И тогда ни ржа, ни черви,
Ни стрекозы, Куо-ни-ши,
Ни тарантул, Соббикаши,
Ни кузнечик, Па-пок-кина,
Ни могучий Вэ-мок-квана,
Царь всех гусениц мохнатых,
Никогда не переступят
Круг священный и волшебный!"

Так промолвил Гайавата;
А ворон голодных стая,
Жадный Кагаги, Царь-Ворон,
С шайкой черных мародеров

Отдыхали в ближней роще
И смеялись так, что сосны
Содрогались от смеха,
От зловещего их смеха
Над словами Гайаваты.
"Ах, мудрец, ах, заговорщик!" -
Говорили птицы громко.

Вот простерлась ночь немая
Над полями и лесами;
Вот и скорбный Вавонэйса
В темноте запел тоскливо,
Притворил Дух Сна, Нэпавин,
Двери каждого вигвама,
И во мраке Миннегага
Поднялась безмолвно с ложа;
Все сняла она одежды
И, окутанная тьмою,
Без смущенья и без страха
Обошла свои посевы,
Начертала по равнине
Круг волшебный и священный.

Только Полночь созерцала
Красоту ее во мраке;

Только смолкший Вавонэйса
Слышал тихое дыханье,
Трепет сердца Миннегаги;
Плотно мантией священной
Ночи мрак ее окутал,
Чтоб никто не мог хвастливо
Говорить: "Ее я видел!"

На заре, лишь день забрезжил,
Кагаги, Царь-Ворон, скликал
Шайку черных мародеров -
Всех дроздов, ворон и соек,
Что шумели на деревьях,
И бесстрашно устремился
На посеvy Гайаваты,
На зеленую могилу,
Где покоился Мондамин.

"Мы Мондамина подыдем
Из его могилы тесной! -
Говорили мародеры. -
Нам не страшен след священный,
Нам не страшен круг волшебный,
Обведенный Миннегагой!"

Но разумный Гайавата
Все предвидел, все обдумал:
Слышал он, как издевались
Над его словами птицы.
"Ко, друзья мои, - сказал он, -
Ко, мой Кагаги, Царь-Ворон!
Ты с своею шайкой долго
Будешь помнить Гайавату!"

Он проснулся до рассвета,
Он для черных мародеров
Весь посев покрыл сетями,
Сам же лег в сосновой роще,
Стал в засаде терпеливо
Поджидать ворон и соек,
Поджидать дроздов и галок.

Вскоре птицами все поле
Запестрело и покрылось;
Дикой, шумною ватагой,
С криком, карканьем нестройным,
Принялись они за дело;
Но, при всем своем лукавстве,
Осторожности и знанье
Разных хитростей военных,

Не заметили, что скрыта
Недалеко их погибель,
И нежданно очутились
Все в тенетах Гайаваты.

Грозно встал тогда он с места,
Грозно вышел из засады, -
И объял великий ужас
Даже самых храбрых пленных!
Без пощады истреблял он
Их направо и налево,
И десятками их трупы
На шестах высоких вешал
Вкруг посевов освященных
В знак своей кровавой мести!

Только Кагаги, Царь-Ворон,
Предводитель мародеров,
Пощажен был Гайаватой
И заложником оставлен.
Он понес его к вигваму
И веревкою из вяза,
Боевой веревкой пленных,
Привязал его на кровле.

"Кагаги, тебя, - сказал он, -
Как зачинщика разбоя,
Предводителя злодеев,
Оскорбивших Гайавату,
Я заложником оставлю:
Ты порукою мне будешь,
Что враги мои смирились!"

И остался черный пленник
Над вигвамом Гайаваты;
Злобно хмурился он, сидя
В блеске утреннего солнца,
Дико каркал он с досады,
Хлопал крыльями большими, -
Тщетно рвался на свободу,
Тщетно звал друзей на помощь.

Лето шло, и Шавондази
Посылал, вздыхая страстно,
Из полдневных стран на север
Негу пламенных лобзаний.
Рос и зрел на солнце маис
И во всем великолепии,
Наконец, предстал на нивах:
Нарядился в кисти, в перья,

В разноцветные одежды;
А блестящие початки
Налилися сладким соком,
Засверкали из подсохших,
Разорвавшихся покровов.

И сказала Миннегаге
Престарелая Нокомис:
"Вот и Месяц Листопада!
Дикий рис в лугах уж собран,
И готов к уборке маис;
Время нам идти на нивы
И с Мондамином бороться -
Снять с него все перья, кисти,
Снять наряд зелено-желтый!"

И сейчас же Миннегага
Вышла весело из дома
С престарелою Нокомис,
И они созвали женщин,
Молодежь к себе созвали,
Чтоб собирать созревший маис,
Чтоб лущить его початки.

Под душистой тенью сосен,

На траве лесной опушки
Старцы, воины сидели
И, покуривая трубки,
Важно, молча любовались
На веселую работу
Молодых людей и женщин,
Важно слушали; в молчанье
Шумный говор, смех и пенье:
Словно Опечи на кровле,
Пели девушки на ниве,
Как сороки стрекотали
И смеялись, точно сойки.

Если девушке счастливой
Попадался очень спелый,
Весь пурпуровый початок,
"Нэшка! - все кругом кричали.
Ты счастливица - ты скоро
За красавца замуж выйдешь!"
"Уг!" - согласно отзывались
Из-под темных сосен старцы.

Если ж кто-нибудь на ниве
Находил кривой початок,
Вялый, ржавчиной покрытый,

Все смеялись, пели хором,
Шли, хромая и согнувшись,
Точно дряхлый старикашка,
Шли и громко пели хором:
"Вагэмин, степной воришка,
Пэмосэд, ночной грабитель!"

И звенело поле смехом;
А на кровле Гайаваты
Каркал Кагаги, Царь-Ворон,
Бился в ярости бессильной.
И на всех соседних елях
Раздавались не смолкая,
Крики черных мародеров.
"Уг!" - с улыбкой отзывались
Из-под темных сосен старцы.

XIV. Письмена

"Посмотри, как быстро в жизни
Все забвенье поглощает!
Блекнут славные преданья,
Блекнут подвиги героев;
Гибнут знания и искусство

Мудрых Мидов и Вэбинов,
Гибнут дивные виденья,
Грезы вещей Джосакидов!

Память о великих людях
Умирает вместе с ними;
Мудрость наших дней исчезнет,
Не достигнет до потомства,
К поколениям, что сокрыты
В тьме таинственной, великой
Дней безгласных, дней грядущих.

На гробницах наших предков
Нет ни знаков, ни рисунков.
Кто в могилах, - мы не знаем,
Знаем только - наши предки;
Но какой их род иль племя,
Но какой их древний тотем -
Бобр, Орел, Медведь, - не знаем;
Знаем только: "это предки".

При свиданье - с глазу на глаз
Мы ведем свои беседы;
Но, расставшись, мы вверяем
Наши тайны тем, которых

Посылаем мы друг к другу;
А посланники нередко
Искажают наши вести
Иль другим их открывают".

Так сказал себе однажды
Гайавата, размышляя
О родном своем народе
И бродя в лесу пустынном.

Из мешка он вынул краски,
Всех цветов он вынул краски
И на гладкой на бересте
Много сделал тайных знаков,
Дивных и фигур и знаков;
Все они изображали
Наши мысли, наши речи.

Гитчи Манито могучий
Как яйцо был нарисован;
Выдающиеся точки
На яйце обозначали
Все четыре ветра неба.
"Вездесущ Владыка Жизни" -
Вот что значил этот символ.

Гитчи Манито могучий,
Властелин всех Духов Злобы,
Был представлен на рисунке,
Как великий змей, Кинэбик.
"Пресмыкается Дух Злобы,
Но лукав и изворотлив" -
Вот что значит этот символ.

Белый круг был знаком жизни,
Черный круг был знаком смерти;
Дальше шли изображенья
Неба, звезд, луны и солнца,
Вод, лесов, и горных высей,
И всего, что населяет
Землю вместе с человеком.

Для земли нарисовал он
Краской линию прямую,
Для небес - дугу над нею,
Для восхода - точку слева,
Для заката - точку справа,
А для полдня - на вершине.
Все пространство под дугою
Белый день обозначало,

Звезды в центре - время ночи,
А волнистые полосы -
Тучи, дождь и непогоду.

След, направленный к вигваму,
Был эмблемой приглашенья,
Знаком дружеского пира;
Окровавленные руки,
Грозно поднятые кверху, -
Знаком гнева и угрозы.

Кончив труд свой, Гайавата
Показал его народу,
Разъяснил его значенье
И промолвил: "Посмотрите!
На могилах ваших предков
Нет ни символов, ни знаков.
Так пойдите, нарисуйте
Каждый - свой домашний символ,
Древний прадедовский тотем,
Чтоб грядущим поколениям
Можно было различать их".

И на столбиках могильных
Все тогда нарисовали

Каждый - свой фамильный тотем,
Каждый - свой домашний символ:

Журавля, Бобра, Медведя,
Черепашу или Оленя.

Это было указаньем,
Что под столбиком могильным
Погребен начальник рода.

А пророки, Джосакиды,
Заклинатели, Вэбины,
И врачи недугов, Миды,
Начертали на бересте
И на коже много страшных,
Много ярких, разноцветных
И таинственных рисунков
Для своих волшебных гимнов:
Каждый был с глубоким смыслом,
Каждый символом был песни.

Вот Великий Дух, Создатель,
Озаряет светом небо;
Вот Великий Змей, Кинэбик,
Приподняв кровавый гребень,
Извиваясь, смотрит в небо;
Вот журавль, орел и филин

Рядом с вещим пеликаном;

Вот идущие по небу

Обезглавленные люди

И пронзенные стрелами

Трупы воинов могучих;

Вот поднявшиеся грозно

Руки смерти в пятнах крови,

И могилы, и герои,

Захватившие в объятья

Небеса и землю разом!

Таковы рисунки были

На коре и ланьей коже;

Песни битвы и охоты,

Песни Мидов и Вэбинов -

Все имело свой рисунок!

Каждый был с глубоким смыслом,

Каждый символом был песни.

Песнь любви, которой чары

Всех врачебных средств сильнее,

И сильнее заклинаний,

И опасней всякой битвы,

Не была забыта тоже.

Вот как в символах и знаках

Песнь любви изображалась:

Нарисован очень ярко
Человек багряной краской -
Музыкант, любовник пылкий.
Смысл таков: "Я обладаю
Дивной властью надо всеми!"

Дальше - он поет, играя
На волшебном барабане,
Что должно сказать: "Внемли мне!
Это мой ты слышишь голос!"

Дальше - эта же фигура,
Но под кровлею вигвама.
Смысл таков: "Я буду с милой.
Нет преград для пылкой страсти!"

Дальше - женщина с мужчиной,
Стоя рядом, крепко сжали
Руки с нежностью друг другу.
"Все твое я вижу сердце
И румянец твой стыдливый!" -
Вот что значил символ этот.

Дальше - девушка среди моря,
На клочке земли, среди моря;

Песня этого рисунка

Такова: "Пусть ты далеко!

Пусть нас море разделяет!

Но любви моей и страсти

Над тобой всеильны чары!"

Дальше - юноша влюбленный

К спящей девушке склонился

И, склонившись, тихо шепчет,

Говорит: "Хоть ты далеко,

В царстве Сна, в стране Молчанья,

Но любви ты слышишь голос!"

А последняя фигура -

Сердце в самой середине

Заколдованного круга.

"Вся душа твоя и сердце

Преодо мной теперь открыты!" -

Вот что значил символ этот.

Так, в своих заботах мудрых

О народе, Гайавата

Научил его искусству

И письма и рисованья
На бересте глянцевитой,
На оленьей белой коже
И на столбиках могильных.

XV. Плач Гайаваты

Видя мудрость Гайаваты,
Видя, как он неизменно
С Чайбайабосом был дружен,
Злые духи устрашились
Их стремлений благородных
И, собравшись, заключили
Против них союз коварный.

Осторожный Гайавата

Говорил нередко другу:
"Брат мой, будь всегда со мною!
Духов Злых остерегайся!"
Но беспечный Чайбайабос
Только встряхивал кудрями,
Только нежно улыбался.
"О, не бойся, брат мой милый:
Надо мной бессильны Духи!" -

Отвечал он Гайавате.

Раз, когда зима покрыла
Синим льдом Большое Море
И метель, кружась, шипела
В почерневших листьях дуба,
Осыпала снегом ели,
И в снегу они стояли,
Точно белые вигвамы, -
Взявши лук, надевши лыжи,
Не внимая просьбам брата,
Не страшась коварных Духов,
Смело вышел Чайбайабос
На охоту за оленем.

Как стрела, олень рогатый
По Большому Морю мчался;
С ветром, снегом, словно буря,
Он преследовал оленя,
Позабыв в пылу охоты
Все советы Гайаваты.

А в воде сидели Духи,
Стерегли его в засаде,
Подломили лед коварный,

Увлекли певца в пучину,
Погребли в песках подводных.

Энктаги, владыка моря,
Вероломный бог Дакотов,
Утопил его в студеной,
Зыбкой бездне Гитчи-Гюми.

И с побережья Гайавата
Испустил такой ужасный
Крик отчаянья, что волки
На лугах завывали в страхе,
Встрепенулися бизоны,
А в горах раскаты грома
Эхом грянули: "Бэм-Вава!"

Черной краской лоб покрыл он,
Плащ на голову накинул
И в вигваме, полный скорби,
Семь недель сидел и плакал,
Однозвучно повторяя:
"Он погиб, он умер, нежный,
Сладкогласный Чайбайабос!
Он покинул нас навеки,
Он ушел в страну, где льются
Неземные песнопенья!

О мой брат! О Чайбайабос!"

И задумчивые пихты
Тихо веяли своими
Опахалами из хвои,
Из зеленой, темной хвои,
Над печальным Гайаватой;
И вздыхали и скорбели,
Утешая Гайавату.

И весна пришла, и рощи
Долго-долго поджидали,
Не придет ли Чайбайабос?
И вздыхал тростник в долине,
И вздыхал с ним Сибовиша.

На деревьях пел Овейса,
Пел Овейса синеперый:
"Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки!"

Опечи пел на вигваме,
Опечи пел красногрудый:
"Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки!"

А в лесу, во мраке ночи,
Раздавался заунывный,
Скорбный голос Вавонэйсы:
"Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки,
Сладкогласный Чайбайабос!"

Собрались тогда все Миды,
Джосакиды и Вэбины,
И, построив в чаще леса,
Близ вигвама Гайаваты,
Свой приют - Вигвам Священный,
Важно, медленно и молча
Все пошли за Гайаватой,
Взяв с собой мешки и сумки, -
Кожу выдр, бобров и рысей,
Где хранились корни, травы,
Исцелявшие недуги.

Услыхав их приближенье,
Перестал взывать он к другу,
Перестал стенать и плакать,
Не промолвил им ни слова,
Только плащ с лица откинул,

Смыл с лица печали краску,
Смыл в молчании глубоком
И к Священному Вигваму,
Как во сне, пошел за ними.

Там его поили зельем,
Наколдованным настоем
Из корней и трав целебных:
Нама-Вэск - зеленой мяты
И Вэбино-Вэск - сурепки,
Там над ним забили в бубны
И запели заклинанья,
Гимн таинственный запели:

"Вот я сам, я сам с тобою,
Я, Седой Орел могучий!
Собирайтесь и внимайте,
Белоперые вороны!
Гулкий гром мне помогает,
Дух незримый помогает,
Слышу всюду их призывы,
Голоса их слышу в небе!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Исцелись, о Гайавата!"

"Ги-о-га!" - весь хор ответил,
"Вэ"-га-вэ!" - весь хор волшебный.

"Все друзья мои - все змеи!
Слушай - кожей соколиной
Я тряхну над головою!
Манг, нырок, тебя убью я,
Прострелю стрелою сердце!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Исцелись, о Гайавата!"

"Ги-о-га!" - весь хор ответил,
"Вэ-га-вэ!" - весь хор волшебный.

"Вот я, вот пророк великий!
Говорю - и сею ужас,
Говорю - и весь трепещет
Мой вигвам, Вигвам Священный!
А иду - свод неба гнется,
Содрогаясь подо мною!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Говори, о Гайавата!"

"Ги-о-га!" - весь хор ответил,
"Вэ-га-вэ!" - весь хор волшебный.

И, мешками потрясая,
Танцевали танец Мидов
Вкруг больного Гайаваты, -
И вскочил он, встрепенулся,
Исцелился от недуга,
От безумья лютой скорби!
Как уходит лед весною,
Миновали дни печали,
Как уходят с неба тучи;
Думы черные сокрылись.

После к другу Гайаваты,
К Чайбайабосу взывали,
Чтоб восстал он из могилы,
Из песков Большого Моря,
И настолько властны были
Заклинанья и призывы,
Что услышал Чайбайабос
Их в пучине Гитчи-Гюми,
Из песков он встал, внимая
Звукам бубнов, пенью гимнов,
И пришел к дверям вигвама,
Повинуясь заклинаньям.

Там ему, в дверную щелку,
Дали уголь раскаленный,
Нарекли его владыкой
В царстве духов, в царстве мертвых

И, прощаясь, приказали
Разводить костры для мертвых,
Для печальных их ночлегов
На пути в Страну Понима.

Из родимого селенья,
От родных и близких сердцу,
По зеленым чащам леса,
Как дымок, как тень, безмолвно

Удалился Чайбайабос.
Где касался он деревьев -
Не качались деревья,
Где ступал - трава не мялась,
Не шумела под ногами.

Так четыре дня и ночи
Шел он медленной стопою
По дороге всех усопших;
Земляникою усопших
На пути своем питался,
Переправился на дубе

Чрез печальную их реку,
По Серебряным Озерам
Плыл на Каменной Пирогe,
И в Селения Блаженных,
В царство духов, в царство теней,
Принесло его течение.

На пути он много видел
Бледных духов, нагруженных,
Истомленных тяжкой ношей:
И одеждой, и оружием,
И горшками с разной пищей,
Что друзья им надавали
На дорогу в край Понима.

Горько жаловались духи:
"Ах, зачем на нас живые
Возлагают бремя это!
Лучше б мы пошли нагими,
Лучше б голод мы терпели,
Чем нести такое бремя! -
Истомил нас путь далекий!"

Гайавата же надолго
Свой родной вигвам оставил,

На Восток пошел, на Запад,
Поучал употребленью
Трав целебных и волшебных.
Так священное искусство
Врачевания недугов
В первый раз познали люди.

XVI. По-Пок-Кивис

Стану петь, как По-Пок-Кивис,
Как красавец Йенадиззи
Взбудоражил всю деревню
Дерзкой удалью своею;
Как, спасаясь только чудом,
Он бежал от Гайаваты
И какой конец печальный
Был чудесным приключеньям.

На побережье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
На песчаном Нэго-Воджу
Жил красавец По-Пок-Кивис.
Это он во время свадьбы
Гайаваты с Миннегагой

Так безумно и разгульно
Танцевал под звуки флейты,
Это он в безумном танце
Накидал песок холмами
На побережье Гитчи-Гюми.

Заскучавши от безделья,
Вышел раз он из вигвама
И направился поспешно
Прямо к Ягу, где собиралась
Слушать сказки и преданья
Молодежь со всей деревни.

Старый Ягу в это время
Забавлял гостей рассказом
Об Оджиге, о кунице:
Как она пробила небо,
Как вскарабкалась на небо,
Лето выпустила с неба;
Как сначала подвиг этот
Совершить пыталась выдра,
Как барсук с бобром и рысью
На вершины гор взбирались,
Бились в небо головами,
Бились лапами, но небо

Только трескалось над ними;
Как отважилась на подвиг,
Наконец, и росомаха.

"Подскочила росомаха, -
Говорил гостям рассказчик, -
Подскочила - и над нею
Так и вздулся свод небесный,
Словно лед в реке весною!
Подскочила снова - небо
Гулко треснуло над нею,
Словно льдина в половодье!
Подскочила напоследок -
Небо вдребезги разбила,
Скрылась в небе, а за нею
И Оджиг в одно мгновение
Очутилася на небе!"

"Слушай! - крикнул По-Пок-Кивис,
Появляясь на пороге. -
Надоели эти сказки!
Надоели хуже мудрых
Поучений Гайаваты!
Мы отыщем для забавы
Кое-что получше сказок".

Тут, торжественно раскрывши
Свой кошель из волчьей кожи,
По-Пок-Кивис вынул чашу
И фигуры Погасэна:
Томагаук, Поггэвогон,
Рыбку маленькую, Киго,
Пару змей и пару пешек,
Три утенка и четыре
Медных диска, Озавабик.
Все фигуры, кроме дисков,
Темных сверху, светлых снизу,
Были сделаны из кости
И покрыты яркой краской, -
Красной сверху, белой снизу.

Положив фигуры в чашу,
Он встряхнул, перемешал их,
Кинул наземь пред собою
И выкрикивал, что вышло:
"Красным кверху пали кости,
А змея, Кинэбик, стала
На блестящем медном диске;
Счетом сто и тридцать восемь!"

И опять смешал фигуры,
Положил опять их в чашу,
Кинул наземь пред собою
И выкрикивал, что вышло:
"Белым кверху пали змеи,
Белым кверху пали пешки,
Красным - прочие фигуры;
Пятьдесят и восемь счетом!"

Так учил их По-Пок-Кивис,
Так, играя для примера,
Он метал и объяснял им
Все приемы Погасэна.
Двадцать глаз за ним следили,
Разгораясь любопытством.

"Много игр, - промолвил Ягу, -
Много игр, опасных, трудных,
В разных странах, в разных землях
На своем веку я видел.
Кто играет с старым Ягу,
Должен быть на редкость ловок!
Не хвались, По-Пок-Кивис!
Будешь ты сейчас обыгран,
Жестоко наказан мною!"

Началась игра, и дико
Увлечлись игрою гости!
На одежду, на оружие,
До полночи, до рассвета,
Старики и молодые -
Все играли, все метали,
И лукавый По-Пок-Кивис
Обыграл их без пощады!
Взял все лучшие одежды,
Взял оружие боевое,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и кисеты!
Двадцать глаз пред ним сверкали,
Как глаза волков голодных.

Напоследок он промолвил:
"Я в товарище нуждаюсь:
В путешествиях и дома
Я всегда один, и нужен
Мне помощник, Мэшинова,
Кто б носил за мною трубку.
Весь мой выигрыш богатый -
Все меха и украшения,
Все оружие и перья -

Все в один я кон поставлю

Вот на этого красавца!"

То был юноша высокий

По шестнадцатому году,

Сирота, племянник Ягу.

Как огонь сверкает в трубке,

Под седой золой краснея,

Засверкали взоры Ягу

Под нависшими бровями.

"Уг!" - ответил он свирепо.

"Уг!" - ответили и гости.

И, костлявыми руками

Стиснув чашу роковую,

Ягу с яростью подбросил

И рассыпал вокруг фигуры.

Красным кверху пали пешки,

Красным кверху пали змеи,

Красным кверху и утята,

Озавабики - все черным,

Белым только рыбка, Киго;

Только пять всего по счету!

Улыбаясь, По-Пок-Кивис
Положил фигуры в чашу,
Ловко вскинул их на воздух
И рассыпал пред собою:
Красной, белой, черной краской
На земле они блестели,
А меж ними встала пешка,
Встал Инайнивэг, подобно
По-Пок-Кивису красавцу,
Говорившему с улыбкой:
"Пять десятков! Все за мною!"

Двадцать глаз горели злобой,
Как глаза волков голодных,
В тот момент, как По-Пок-Кивис
Встал и вышел из вигвама,
А за ним племянник Ягу,
Стройный юноша высокий,
Уносил оленье кожи,
Горностаевые шубы,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и оружие!

"Отнеси мою добычу
В мой вигвам на Нэго-Воджу!" -

Властно молвил По-Пок-Кивис,

Пышным веером играя.

От игры и от куренья

У него горели веки,

И отраднo грудь дышала

Летней утренней прохладой.

В рощах звонко пели птицы,

По лугам ручьи шумели,

А в груди у Йенадиззи

Пело сердце от восторга,

Пело весело, как птица,

Билось гордо, как источник.

Гордо шел он по деревне

В сером сумраке рассвета,

Пышным веером играя,

И прошел; по всей деревне

До последнего вигвама,

До жилища Гайаваты.

Тишина была в вигваме.

На порог никто не вышел

К По-Пок-Кивису с приветом;

Только птицы у порога

Пели, прыгали, порхали,

Там и сям собирая зерна;
Только Кагаги с вигвама
Встретил гостя хриплым криком,
С криком крыльями захлопал,
Взором огненным сверкая.

"Все ушли! Жилище пусто! -
Так промолвил По-Пок-Кивис,
Замышляя злую шутку. -
Нет ни глупой Миннегаги,
Ни хозяина, ни бабки;
Тут теперь что хочешь делай!"

Стиснув ворона за горло,
Он вертел им, как трещоткой,
Как мешком с травой целебной,
Придушил его и бросил,
Чтоб висел он над вигвамом,
На позор его владельцу,
На позор для Гайаваты.

А потом вошел в жилище,
Раскидал кругом порога
Всю хозяйственную утварь,
Раскидал куда попало

Все котлы, горшки и миски,
Мех бобров и горностаев,
Шкуры буйволов и рысей,
На позор Нокомис старой,
На позор для Миннегаги.

Беззаботно напевая
И посвистывая белкам,
Шел он по лесу, а белки
Грызли желуди на ветках,
Шелухой в него кидали;
Беззаботно пел он птицам,
И за темною листвою
Так же весело и звонко
Отвечали пеньем птицы.

Со скалистого побережья
Он смотрел на Гитчи-Гюми,
Лег на самом видном месте
И с злорадством дожидался
Возвращенья Гайаваты.

На спине, раскинув руки,
Он дремал в полдневном зное.
Далеко под ним плескались,

Омывали берег волны,
Высоко над ним сияло
Голубою бездной небо,
А кругом носились птицы,
Стаи птиц носились с криком
И почти что задевали
По-Пок-Кивиса крылами.

Он убил их много-много,
Он десятками швырял их
Со скалистого побережья
Прямо в волны Гитчи-Гюми.
И Кайошк, морская чайка,
Наконец вскричала громко:
"Это дерзкий По-Пок-Кивис!
Это он нас избивает!
Где же брат наш, Гайавата?
Известите Гайавату!"

XVII. Погоня за По-Пок-Кивисом

Гневом вспыхнул Гайавата,
Возвратившись на деревню,
Увидав народ в смятенье,

Услышавши, что наделал
Дерзкий, хитрый По-Пок-Кивис.

Задышался он от гнева;
Злобно стискивая зубы,
Он шептал врагу проклятья,
Бормотал, гудел, как шершень.

"Я убью его, - сказал он, -
Я убью, найду злодея!
Как бы ни был путь мой долог,
Как бы ни был путь мой труден,
Гнев мой все преодолеет,
Месть моя врага настигнет!"

Тотчас кликнул он соседей
И поспешно устремился
По следам его в погоню, -
По лесам, где проходил он
На побережье Гитчи-Гюми;
Но никто врага не встретил:
Отыскали только место
На траве, в кустах черники,
Где лежал он, отдыхая,
И примял цветы и травы.

Вдруг на Мускодэ зеленой,
На долине под горами,
Показался По-Пок-Кивис:
Сделав дерзкий знак рукою,
На бегу он обернулся,
И с горы, ему вдогонку,
Громко крикнул Гайавата:
"Как бы ни был путь мой долог,
Как бы ни был путь мой труден,
Гнев мой все преодолеет,
Мсть моя тебя настигнет!"

Через скалы, через реки,
По кустарникам и чащам
Мчался хитрый По-Пок-Кивис,
Прыгал, словно антилопа.
Наконец остановился
Над прудом в лесной долине,
На плотине, возведенной
Осторожными бобрами,
Над разлившимся потоком,
Над затоном полусонным,
Где в воде росли деревья,
Где кувшинчики желтели,
Где камыш шептал, качаясь.

Над затоном По-Пок-Кивис
Стал на гать из пней и сучьев;
Сквозь нее вода сочилась,
А по ней ручьи бежали;
И со дна пруда к плотине
Выплыл бобр и стал большими,
Удивленными глазами
Из воды смотреть на гостя.

Над затоном По-Пок-Кивис
Пред бобром стоял в раздумье,
По ногам его струились
Ручейки серебристой влагой,
И с бобром заговорил он,
Так сказал ему с улыбкой:
"О мой друг Амик! Позволь мне
Отдохнуть в твоём вигваме,
Отдохнуть в воде прохладной, -
Преврати меня в Амика!"

Осторожно бобр ответил,
Помолчал и так ответил:
"Дай я с прочими бобрами
Посоветуюсь сначала".

И, ответив, опустился,
Как тяжелый камень, в воду,
Скрылся в чаще темно-бурых
Тростников и листьев лилий.

Над затоном По-Пок-Кивис
Ждал бобра на зыбкой гати;
Ручейки с невнятным плеском

По ногам его бежали,
Серебристыми струями
С гати падали на камни
И спокойно разливались
Меж камнями по долине;
А кругом листвой зеленой
Лес шумел, качались ветви,
И сквозь ветви свет и тени,
По земле скользя, играли.

Не спеша, поодиночке
Собрались бобры к плотине;
Осторожно показалась
Голова, потом другая,
Наконец весь пруд широкий
Рыльца черные покрыли,
Лоснясь в ярком блеске солнца.

И к бобрам с улыбкой хитрой

Обратился По-Пок-Кивис:

"О друзья мои! Покойно,

Хорошо у вас в вигвамах!

Все вы опытни и мудры,

Все на выдумки искусны,

Превратите же скорее

И меня в бобра, Амика!"

"Хорошо! - Амик ответил,

Царь бобров, Амик, ответил.

Опускайся с нами в воду,

Опускайся в пруд с бобрами!"

Молча в тихий пруд с бобрами

Опустился По-Пок-Кивис.

Черной, гладкой и блестящей

Стала вся его одежда,

А хвосты лисиц на пятках

В толстый черный хвост слился,

И бобром стал По-Пок-Кивис.

"О друзья мои, - сказал он, -

Я хочу быть выше, больше,

Больше всех бобров на свете".
"Хорошо, - Амик ответил, -
Вот когда придем в жилище,
В наш вигвам на дне потока,
В десять раз ты станешь больше".

Так под темною водою
Шел с бобрами По-Пок-Кивис,
Под водою, где лежали
Ветви, пни и груды корма,
И пришел с бобрами к арке,
Что вела в вигвам обширный.

Там опять он превратился,
В десять раз стал выше, больше,
И бобры ему сказали:
"Будь у нас вождем отныне,
Будь над нами властелином".

Но недолго По-Пок-Кивис
Мог почетом наслаждаться:
Бобр, поставленный на страже
В чаще шпажников и лилий,
Вдруг воскликнул: "Гайавата!
Гайавата на плотине!"

Вслед за этим раздалися
На плотине крики, говор,
Треск валежника и топот,
А вода заволновалась,
Стала падать, понижаться,
И бобры поняли в страхе,
Что плотина прорвалась.

С треском рухнула и крыша
Их просторного вигвама;
В щели крыши засверкало
Солнце яркими лучами,
И бобры поспешно скрылись
Под водой, где было глубже;
Но могучий По-Пок-Кивис
Не пролез за ними в двери:
Он от гордости и пищи,
Как пузырь, распух, раздулся.

В щели крыши Гайавата
На него смотрел и громко
Восклищал: "О По-Пок-Кивис!
Тщетны все твои уловки,
Бесполезны превращенья, -

Не спасешься, По-Пок-Кивис!"

Без пощады колотили
По-Пок-Кивиса дубины,
Молотили, словно маис,
На куски разбили череп.
Шесть охотников высоких
Положили на носилки,
Понесли его в деревню;
Но не умер По-Пок-Кивис,
Джиби, дух его, не умер.

Он барахтался, метался,
Изгибаясь и качаясь,
Как дверные занавески
Изгибаются, качаясь,
Если ветер дует в двери,
И опять собрался с силой,
Принял образ человека,
Встал и в бегство устремился
По-Пок-Кивисом лукавым.

Но от взоров Гайаваты
Не успел в лесу он скрыться;
В голубой и мягкий сумрак

Под ветвями дальних сосен,
К светлой просеке за ними
Вихрем мчался По-Пок-Кивис,
Нагибая ветви с шумом,
Но сквозь шум ветвей он слышал,
Что его, как бурный ливень,
Настигает Гайавата.

Задыхаясь, По-Пок-Кивис,
Наконец, остановился
Перед озером широким,
По которому среди лилий,
В тростниках, меж островами,
Тихо плавали казарки,
То скрываясь в тень деревьев,
То сверкая в блеске солнца,
Подымая кверху клювы,
Глубоко ныряя в воду.

"Пишнэкэ! - воскликнул громко
По-Пок-Кивис. - Превратите
Поскорей меня в казарку,
Только в самую большую, -
В десять раз сильнее и больше,
Чем другие все казарки!"

Но едва они успели
Превратить его в казарку -
В исполинскую казарку
С круглой лоснящейся грудью,
С парой темных мощных крыльев
И с большим широким клювом, -
Как из леса с громким криком
Стал пред ними Гайавата!

С громким криком поднялися
И казарки над водою,
Поднялися шумной стаей
Из озерных трав и лилий
И сказали: "По-Пок-Кивис!
Будь теперь поосторожней -
Берегись смотреть на землю,
Чтобы не было несчастья,
Чтоб беды не приключилось!"

Смело путь они держали,
Путь на дальний, дикий север,
Пролетали то в тумане,
То в сиянье ярком солнца,
Ночевали и кормились

В камышах болот пустынных
И с зарей пустились дальше.
Плавно мчал их южный ветер,
Дул свежо и сильно в крылья.

Вдруг донесся к ним неясный,
Отдаленный шум и говор,
Донеслись людские речи
Из селения под ними:
То народ с земли дивился
На невиданные крылья
По-Пок-Кивиса-казарки, -
Эти крылья были шире,
Чем дверные занавески.

По-Пок-Кивис слышал крики,
Слышал голос Гайаваты,
Слышал громкий голос Ягу,
Позабыл совет казарок,
С высоты взглянул на землю -
И в одно мгновение ветер
Подхватил его, смял крылья
И понес, вертя, на землю.

Тщетно справиться хотел он,

Тщетно думал удержаться!
Вихрем падая на землю,
Он порой то землю видел,
То казарок в синем небе,
Видел, что земля все ближе,
А простор небес - все дальше,
Слышал громкий смех и говор,
Слышал крики все яснее,
Потерял из глаз казарок,
Увидал внизу вигвамы
И с размаху пал на землю, -
С тяжким стуком средь народа
Пала мертвая казарка!

Но его лукавый Джиби,
Дух его, в одно мгновенье
Принял образ человека,
По-Пок-Кивиса красавца,
И опять пустился в бегство,
И опять за ним в погоню
Устремился Гайавата,
Восклица: "Как бы ни был
Путь мой долог и опасен,
Гнев мой все преодолееет,
Мечь моя тебя настигнет!"

В двух шагах был По-Пок-Кивис,
В двух шагах от Гайаваты,
Но мгновенно закружился,
Поднял вихрем пыль и листья
И исчез в дупле дубовом,
Перекинулся змеею,
Проскользнул змеей под корни.

Быстро правою рукою
Искрошил весь дуб на щепки
Гайавата, - но напрасно!
Вновь лукавый По-Пок-Кивис
Принял образ человека
И помчался в бурном вихре
К Живописным Скалам красным,
Что с побережья озирают
Всю страну и Гитчи-Гюми.

И Владыка Гор могучий,
Горный Манито могучий
Распахнул пред ним ущелье,
Распахнул широко пропасть,
Скрыл его от Гайаваты
В мрачном каменном жилище,

Ввел его с радушной лаской
В тьму своих пещер угрюмых.

А снаружи Гайавата,
Пред закрытым входом стоя,
Рукавицей, Минджикэвон,
Пробивал в горе пещеры
И кричал в великом гневе:
"Отопри! Я Гайавата!"
Но Владыка Гор не отпер,
Не ответил Гайавате
Из своих пещер безмолвных,
Из скалистой мрачной бездны.

И простер он руки к небу,
Призывая Эннэмики
И Вэвэссимо на помощь,
И пришли они во мраке,
С ночью, с бурей, с ураганом,
Пронеслись по Гитчи-Гюми
С отдаленных Гор Громовых,
И услышал По-Пок-Кивис
Тяжкий грохот Эннэмики,
Увидал он блеск огнистый
Глаз Вэвэссимо и в страхе

Задрожал и притаился.

Тяжкой палицей своею
Скалы молния разбила
Над преддверием пещеры,
Грянул гром в ее средину,
Говоря: "Где По-Пок-Кивис?" -
И рассыпались утесы,
И среди развалин мертвым
Пал лукавый По-Пок-Кивис,
Пал красавец Йенадиззи.

Благородный Гайавата
Вынул дух его из тела
И сказал: "О По-Пок-Кивис!
Никогда уж ты не примешь
Снова образ человека,
Никогда не будешь больше
Танцевать с беспечным смехом,
Но высоко в синем небе
Будешь ты парить и плавать,
Будешь ты Киню отныне -
Боевым Орлом могучим!"

И живут с тех пор в народе

Песни, сказки и преданья
О красавце Йенадиззи;
И зимой, когда в деревне
Вихри снежные гуляют,
А в трубе вигвама свищет,
Завывает буйный ветер, -
"Это хитрый По-Пок-Кивис
В пляске бешеной несется!" -
Говорят друг другу люди.

XVIII. Смерть Квазинда

Далеко прошел по свету
Слух о Квазинде могучем:
Он соперников не ведал,
Он себе не ведал равных.

И завистливое племя
Злобных Гномов и Пигмеев,
Злобных духов Пок-Уэджис,
Погубить его решило.

"Если этот дерзкий Квазинд,
Ненавистный всем нам Квазинд,
Поживет еще на свете,

Все губя, уничтожая,
Удивляя все народы
Дивной силою своею, -
Что же будет с Пок-Уэджис? ~
Говорили Пок-Уэджис. -
Он растопчет нас, раздавит,
Он подводным злобным духам
Всех нас кинет на съеденье!"

Так, пылая лютой злобой,
Совещались Пок-Уэджис
И убить его решили,
Да, убить его - избавить
Мир от Квазинда навеки!

Сила Квазинда и слабость
Только в темени таилась:
Только в темя можно было
Насмерть Квазинда поранить,
Но и то одним оружием -
Голубой еловой шишкой.
Роковая тайна эта
Не была известна смертным,
Но коварные Пигмеи,
Пок-Уэджис, знали тайну,

Знали, как врага осилить.

И они набрали шишек,
Голубых еловых шишек
По лесам над Таквамино,
Отнесли их и сложили
На ее высокий берег,
Там, где красные утесы
Нависают над водою.
Сами спрятались и стали
Поджидать врага в засаде.

Было это в полдень летом;
Тих был сонный знойный воздух,
Неподвижно спали тени,
В полусне река струилась;
По реке, блестя на солнце,
Насекомые скользили,
В знойном воздухе далеко
Раздавалось их жужжанье,
Их напевы боевые.

По реке плыл мощный Квазинд,
По теченью плыл лениво,
По дремотной Таквамино

Плыл в березовой пироге,
Истомленный тяжким зноем,
Усыпленный тишиною.

По ветвям, к реке склоненным,
По кудрям берез плакучих,
Осторожно опустился
На него Дух Сна, Нэпавин;
В сонме спутников незримых,
Во главе воздушной рати,
По ветвям сошел Нэпавин,
Бирюзовой Дэш-кво-ни-ши,
Стрекозою, стал он тихо
Над пловцом усталым реять.

Квазинд слышал чей-то шепот,
Смутный, словно вздохи сосен,
Словно дальний ропот моря,
Словно дальний шум прибоя,
И почувствовал удары
Томагауков воздушных,
Поражавших прямо в темя,
Управляемых несметной
Ратью Духов Сна незримых.

И от первого удара
Обняла его дремота,
От второго - он бессильно
Опустил весло в пирогу,
После третьего - окрестность
Перед ним покрылась тьмою:
Крепким сном забылся Квазинд.

Так и плыл он по течению, -
Как слепой, сидел в пироге,
Сонный плыл по Таквамино,
Под прибрежными лесами,
Мимо трепетных березок,
Мимо вражеской засады,
Мимо лагеря Пигмеев.

Градом сыпались шишки,
Голубые шишки елей
В темя Квазинда с побережья.
"Смерть врагу!" - раздался громкий
Боевой крик Пок-Уэджис.

И упал на борт пироги
И свалился в реку Квазинд,
Головою вниз, как выдра,

В воду сонную свалился,
А пирога, кверху килем,
Поплыла одна, блуждая
По теченью Таквамино.

Так погиб могучий Квазинд.
Но хранилось долго-долго
Имя Квазинда в народе,
И когда в лесах зимою
Бушевали, выли бури,
С треском гнули и ломали
Ветви стонущих деревьев, -
"Квазинд! - люди говорили. -
Это Квазинд собирает
На костер себе валежник!"

XIX. Привидения

Никогда хохлатый коршун
Не спускается в пустыне
Над пораненным бизоном
Без того, чтоб на добычу
И второй не опустился;
За вторым же в синем небе

Тотчас явится и третий,
Так что вскорости от крыльев
Собирающейся стаи
Даже воздух потемнеет.

И беда одна не ходит;
Сторожат друг друга беды;
Чуть одна из них нагрянет, -
Вслед за ней спешат другие
И, как птицы, вьются, вьются
Черной стаей над добычей,
Так что белый свет померкнет
От отчаянья и скорби.

Вот опять на хмурый север
Мощный Пибоан вернулся!
Ледяным своим дыханьем
Превратил он воды в камень
На реках и на озерах,
С кос стряхнул он хлопья снега,
И поля покрылись белой,
Ровной снежной пеленою,
Будто сам Владыка Жизни
Сгладил их рукой своею.

По лесам, под песни вьюги,
Зверолов бродил на лыжах;
В деревнях, в вигвамах теплых,
Мирно женщины трудились,
Молотили кукурузу
И выделывали кожи;
Молодежь же проводила
Время в играх и забавах,
В танцах, в беганье на лыжах.

Темным вечером однажды
Престарелая Нокомис
С Миннегагою сидела
За работою в вигваме,
Чутко слушая в молчанье,
Не идет ли Гайавата,
Запоздавший на охоте.

Свет костра багряной краской
Разрисовывал их лица,
Трепетал в глазах Нокомис
Серебристым лунным блеском,
А в глазах у Миннегаги -
Блеском солнца над водою;
Дым, клубами собираясь,

Уходил в трубу над ними,
По углам вигвама тени
Изгибались за ними.

И открылась тихо-тихо
Занавеска над порогом;
Ярче пламя запылало,
Дым сильнее заволновался -
И две женщины безмолвно,
Без привета и без зова,
Через порог переступили,
Проскользнули по вигваму
В самый дальний, темный угол,
Сели там и притаились.

По обличью, по одежде
Это были чужеземки;
Бледны, мрачны были обе,
И с безмолвною тоскою,
Содрогаясь, как от стужи,
Из угла они глядели.

То не ветер ли полночный
Загудел в трубе вигвама?
Не сова ли, Куку-кугу,

Застонала в мрачных соснах?
Голос вдруг изрек в молчанье:
"Это мертвые восстали,
Это души погребенных
К вам пришли из Стран Понима,
Из страны Загробной Жизни!"

Скоро из лесу, с охоты,
Возвратился Гайавата,
Весь осыпан белым снегом
И с оленем за плечами.
Перед милой Миннегагой
Он сложил свою добычу
И теперь еще прекрасней
Показался Миннегаге,
Чем в тот день, когда за нею
Он пришел в страну Дакотов,
Положил пред ней оленя,
В знак своих желаний тайных,
В знак своей любви сердечной.

Положив, он обернулся,
Увидал в углу двух женщин
И сказал себе: "Кто это?
Странны гости Миннегаги!"

Но расспрашивать не стал их,
Только с ласковым приветом
Попросил их разделить с ним
Кров его, очаг и пищу.

Гости бледные ни слова
Не сказали Гайавате;
Но когда готов был ужин
И олень уже разрезан,
Из угла они вскочили,
Завладели лучшей долей,
Долей милой Миннегаги,
Не спросясь, схватили дерзко
Нежный, белый жир оленя,
Съели с жадностью, как звери,
И опять забились в угол,
В самый дальний, темный угол.

Промолчала Миннегага,
Промолчал и Гайавата,
Промолчала и Нокомис;
Лица их спокойны были.
Только Миннегага тихо
Прошептала с состраданьем,
Говоря: "Их мучит голод;

Пусть берут, что им по вкусу,
Пусть едят, - их мучит голод".

Много зорь зажглось, погасло,
Много дней стряхнули ночи,
Как стряхают хлопья снега
Сосны темные на землю;
День за днем сидели молча
Гости бледные в вигваме;
Ночью, даже в непогоду,
В ближний лес они ходили,
Чтоб набрать сосновых шишек,
Чтоб набрать ветвей для топки,
Но едва светало, снова
Появлялись в вигваме.

И всегда, когда с охоты
Возвращался Гайавата,
В час, когда готов был ужин
И олень уже разрезан,
Гости бледные бесшумно
Из угла к нему кидались,
Не спросясь, хватали жадно
Нежный, белый жир оленя, -
Долю милой Миннегаги, -

И скрывались в темный угол.

Никогда не упрекнул их
Даже взглядом Гайавата,
Никогда не возмутилась
Престарелая Нокомис,
Никогда не показала
Недовольства Миннегага;
Все они терпели молча,
Чтоб права святые гостя
Не нарушить грубым взглядом,
Не нарушить грубым словом.

В полночь раз, когда печально
Догорал костер, краснея,
И мерцал дрожащим светом
В полусумраке вигвама,
Бодрый, чуткий Гайавата
Вдруг услышал чьи-то вздохи,
Чьи-то горькие рыдания.

С ложа встал он осторожно,
Встал с косматых шкур бизона
И, отдернувши над ложем
Из оленьей кожи полог,

Увидал, что это Тени,
Гости бледные, вздыхают,
Плачут в тишине полночной.

И промолвил он: "О гости!
Что так мучит ваше сердце?
Что рыдать вас заставляет?
Не Нокомис ли вас, гости,
Ненароком оскорбила?
Иль пред вами Миннегага
Позабыла долг хозяйки?"

Тени смолкли, перестали
Горько сетовать и плакать
И сказали тихо-тихо:
"Мы усопших, мертвых души,
Души тех, что жили с вами;
Мы пришли из Стран Понима,
С островов Загробной Жизни,
Испытать вас и наставить.

Вопли скорби достигают
К нам, в Селения Блаженных:
То живые погребенных
Призывают вновь на землю,

Мучат нас бесплодной скорбью;

И вернулись мы на землю,

Но узнали скоро, скоро,

Что везде мы только в тягость,

Что для всех мы стали чужды:

Нет нам места, - нет возврата

Мертвецам из-за могилы!

Помни это, Гайавата,

И скажи всему народу,

Чтоб отныне и вовеки

Вопли их не огорчали

Отошедших в мир Понима,

К нам, в Селения Блаженных.

Не кладите тяжелой ноши

С мертвецами в их могилы -

Ни мехов, ни украшений,

Ни котлов, ни чаш из глины, -

Эта ноша мучит духов.

Дайте лишь немного пищи,

Дайте лишь огня в дорогу.

Дух четыре грустных ночи

И четыре дня проводит

На пути в страну Понима;
Потому-то и должны вы
Над могилами усопших
С первой ночи до последней
Жечь костры неугасимо,
Освещать дорогу духам,
Озарять веселым светом
Их печальные ночлеги.

Мы идем, прости навеки,
Благородный Гайавата!
И тебя мы искушали,
И твое терпенье долго
Мы испытывали дерзко,
Но всегда ты оставался
Благородным и великим.
Не слабей же, Гайавата,
Не слабей, не падай духом:
Ждет тебя еще труднее
И борьба и испытанье!"

И внезапно тьма упала
И наполнила жилище,
Гайавата же в молчанье
Услыхал одежды шорох,

Услыхал, что кто-то поднял
Занавеску над порогом,
Увидал на небе звезды
И почувствовал дыханье
Зимней полночи морозной,
Но уже не видел духов,
Теней бледных и печальных
Из далеких Стран Понима,
Из страны Загробной Жизни.

XX. Голод

О, зима! О, дни жестокой,
Бесконечной зимней стужи!
Лед все толще, толще, толще
Становился на озерах;
Снег все больше, больше, больше
Заносил луга и степи;
Все грозней шумели вьюги
По лесам, вокруг селенья.

Еле-еле из вигвама,
Занесенного снегами,
Мог пробраться в лес охотник;

В рукавицах и на лыжах
Тщетно по лесу бродил он,
Тщетно он искал добычи, -
Не видал ни птиц, ни зверя,
    Не видал следов оленя,
    Не видал следов Вабассо.
Страшен был, как привиденье,
Лес блестящий и пустынный,
    И от голода, от стужи,
    Потеряв сознание, падал,
Погибал в снегах охотник.

О, Всесильный Бюкадэвин!
    О, могучий Акозивин!
О, безмолвный, грозный Погок!
    О, жестокие мученья,
Плач детей и вопли женщин!

Всю тоскующую землю
Изнурил недуг и голод,
Небеса и самый воздух
Лютым голодом томились,
    И горели в небе звезды,
Как глаза волков голодных!

Вновь в вигваме Гайаваты
Поселились два гостя:
Так же мрачно и безмолвно,
Как и прежние два гостя,
Без привета и без зова
В дом вошли они и сели
Прямо рядом с Миннегагой,
Не сводя с нее свирепых,
Впалых глаз ни на минуту.

И один сказал ей: "Видишь?
Пред тобою - Бюкадэвин".
И другой сказал ей: "Видишь?
Пред тобою - Акозивин!"

И от этих слов и взглядов
Содрогнулось, сжалось страхом
Сердце милой Миннегаги;
Без ответа опустилась,
Скрыв лицо, она на ложе
И томилась, трепетала,
Холодея и сгорая,
От зловещих слов и взглядов.

Как безумный, устремился

В лес на лыжах Гайавата;
Стиснув зубы, затаивши
В сердце боль смертельной скорби,
Мчался он, и капли пота
На челе его смерзались.

В меховых своих одеждах,
В рукавицах, Минджикэвон,
С мощным луком наготове
И с колчаном за плечами,
Он бежал все дальше, дальше
По лесам пустым и мертвым.

"Гитчи Манито! - вскричал он,
Обращая взоры к небу
С беспредельною тоскою. -
Пощади нас, о Всесильный,
Дай нам пищи, иль погибнем!
Пищи дай для Миннегаги -
Умирает Миннегага!"

Гулко в дебрях молчаливых,
В бесконечных дебрях бора,
Прозвучали вопли эти,
Но никто не отозвался,

Кроме отклика лесного,
Повторявшего тоскливо:
"Миннегага! Миннегага!"

До заката одиноко
Он бродил в лесах печальных,
В темных чащах, где когда-то
Шел он с милой Миннегагой,
С молодой женою рядом,
Из далеких стран Дакотов.
Весел был их путь в то время!
Все цветы благоухали,
Все лесные птицы пели,
Все ручьи сверкали солнцем,
И сказала Миннегага
С беззаветною любовью:
"Я пойду с тобою, муж мой!"

А в вигваме, близ Нокомис,
Близ пришельцев молчаливых,
Карауливших добычу,
Уж томилась пред кончиной,
Умирала Миннегага.

"Слышишь? - вдруг она сказала.

Слышишь шум и гул далекий

Водопадов Миннегаги?

Он зовет меня, Нокомис!"

"Нет, дитя мое, - печально

Отвечала ей Нокомис, -

Это бор гудит от ветра".

"Глянь! - сказала Миннегага. -

Вон - отец мой! Одиноко

Он стоит и мне кивает

Из родимого вигвама!"

"Нет, дитя мое, - печально

Отвечала ей Нокомис, -

Это дым плывет, кивает!"

"Ах! - вскричала Миннегага.

Это Погока сверкают

Очи грозные из мрака,

Это он мне стиснул руку

Ледяной своей рукою!

Гайавата, Гайавата!"

И несчастный Гайавата

Издадека, издадека,
Из-за гор и дебрей леса,
Услыхал тот крик внезапный,
Скорбный голос Миннегаги,
Призывающий во мраке:
"Гайавата! Гайавата!"
По долинам, по сугробам,
Под ветвями белых сосен,
Нависавшими от снега,
Он бежал с тяжелым сердцем,
И услышал он тоскливый
Плач Нокомис престарелой:
"Вагономин! Вагономин!
Лучше б я сама погибла,
Лучше б мне лежать в могиле!
Вагономин! Вагономин!"

И в вигвам он устремился
И увидел, как Нокомис
С плачем медленно качалась,
Увидал и Миннегагу,
Неподвижную на ложе,
И такой издал ужасный
Крик отчаянья, что звезды
В небесах затрепетали,

А леса с глубоким стоном
Потряслись до основанья.

Осторожно и безмолвно
Сел он к ложу Миннегаги,
Сел к ногам ее холодным,
К тем ногам, что никогда уж
Не пойдут за Гайаватой,
Никогда к нему из дома
Уж не выбегут навстречу.

Он лицо закрыл руками,
Семь ночей и дней у ложа
Просидел в оцепененье,
Без движенья, без сознанья:
День царит иль тьма ночная?

И простились с Миннегагой;
Приготовили могилу
Ей в лесу глухом и темном,
Под печальною цикутой,
Обернули Миннегагу
Белым мехом горностая,
Закидали белым снегом,
Словно мехом горностая, -

И простились с Миннегагой.

А с закатом на могиле
Был зажжен костер из хвои,
Чтоб душе четыре ночи
Освещал он путь далекий,
Путь в Селения Блаженных.

Из вигвама Гайавате
Видно было, как горел он,
Озаряя из-под низу
Ветви черные цикуты.

И не раз в час долгой ночи

Подымался Гайавата
На своем бессонном ложе,
Ложе милой Миннегаги,
И стоял, следил с порога,
Чтобы пламя не погасло,
Дух во мраке не остался.

"О, прости, прости! - сказал он.

О, прости, моя родная!
Все мое с тобою сердце
Схоронил я, Миннегага,
Вся душа моя стремится
За тобою, Миннегага!

Не ходи, не возвращайся
К нам на труд и на страдания,
В мир, где голод, лихорадка
Мучат душу, мучат тело!
Скоро подвиг свой я кончу,
Скоро буду я с тобою
В царстве светлого Понима,
Бесконечной, вечной жизни!"

XXI. След Белого

Средь долины, над рекою,
Над замерзшею рекою,
Там сидел в своем вигваме
Одинокий, грустный старец.
Волоса его лежали
На плечах сугробом снега,
Плащ его из белой кожи,
Вобивайон, был в лохмотьях,
А костер среди вигвама
Чуть светился, догорая,
И дрожал от стужи старец,
Ослепленный снежной вьюгой,
Оглушенный свистом бури,

Оглушенный гулом леса.

Угли пеплом уж белели,
Пламя тихо умирало,
Как неслышно появился
Стройный юноша в вигваме.

На щеках его румянец
Разливался алой краской,
Очи кроткие сияли,
Как весенней ночью звезды,
А чело его венчала

Из пахучих трав гирлянда.
Улыбаясь и улыбкой
Все, как солнцем, озаряя,
Он вошел в вигвам с цветами,
И цветы его дышали
Нежным, сладким ароматом.

"О мой сын, - воскликнул старец, -

Как отратно видеть гостя!
Сядь со мною на циновку,
Сядь сюда, к огню поближе,
Будем вместе ждать рассвета.
Ты свои мне порасскажешь
Приключения и встречи,

Я - свои: свершил я в жизни
Не один великий подвиг!"

Тут он вынул Трубку Мира,
Очень старую, чудную,
С красной каменной головкой,
С чубуком из трости, в перьях,
Наложил ее корою,
Закурил ее от угля,
Подал гостю-чужеземцу
И повел такие речи:

"Стоит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Остановятся все реки,
Вся вода окаменеет!"

Улыбаясь, гость ответил:
"Стоит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Зацветут цветы в долинах,
Запоют, заплещут реки!"

"Стоит мне потряхнуть во гневе
Головой своей седою, -

Молвил старец, мрачно хмурясь, -
Всю страну снега покроют,
Вся листва спадет с деревьев,
Все поблекнет и погибнет,
С рек и с тундр, с болотных топей
Улетят и гусь и цапля
К отдаленным, теплым странам;
И куда бы ни пришел я,
Звери дикие лесные
В норы прячутся, в пещеры,
Как кремень, земля твердеет!"

"Стоит мне потряхнуть кудрями, -
Молвил гость с улыбкой кроткой, -
Благодатный теплый ливень
Оросит поля и доли,
Воскресит цветы и травы;
На озера и болота
Возвратятся гусь и цапля,
С юга ласточка примчится,
Запоют лесные птицы;
И куда бы ни пришел я,
Луг колышется цветами,
Лес звучит веселым пеньем,
От листвы темнеют чащи!"

За беседой ночь минула;
Из далеких стран Востока,
Из серебряных чертогов,
Словно воин в ярких красках,
Солнце вышло и сказало:
"Вот и я! Любуйтесь солнцем,
Гизисом, могучим солнцем!"

Онемел при этом старец.
От земли теплом пахнуло,
Над вигвамом стали сладко
Опечи петь и Овейса,
Зажурчал ручей в долине,
Нежный запах трав весенних
Из долин в вигвам повеял,
И при ярком блеске солнца
Увидал Сэгвон яснее
Старца лик холодный, мертвый:
То был Пибоан могучий.

По щекам его бежали,
Как весенние потоки,
Слезы теплые струями,
Сам же он все уменьшался

В блеске радостного солнца -
Паром таял в блеске солнца,
Влагой всачивался в землю,
И Сэгвон среди вигвама,
Там, где ночью мокрый хворост
В очаге дымился, тлея,
Увидал цветок весенний,
Первоцвет, привет весенний,
Мискодит в зеленых листьях.

Так на север после стужи,
После лютой зимней стужи,
Вновь пришла весна, а с нею
Зацвели цветы и травы,
Возвратились с юга птицы.

С ветром путь держа на север,
В небе стаями летели,
Мчались лебеди, как стрелы,
Как большие стрелы в перьях,
И скликались, как люди;
Плыли гуси длинной цепью,
Изгибавшейся, подобно
Тетиве из жил оленя,
Разорвавшей на луке;

В одиночку и попарно,
С быстрым, резким свистом крыльев,
Высоко нырки летели,
Пролетали на болота
Мушкодаза и Шух-шух-га.

В чащах леса и в долинах
Пел Овейса синеперый,
Над вигвамами, на кровлях,
Опечи пел красногрудый,
Под густым наметом сосен
Ворковал Омими, голубь,
И печальный Гайавата,
Онемевший от печали,
Услыхал их зов веселый,
Услыхал - и тихо вышел
Из угрюмого вигвама
Любоваться вешним солнцем,
Красотой земли и неба.

Из далекого похода
В царство яркого рассвета,
В царство Вебона, к Востоку,
Возвратился старый Ягу,
И принес он много-много

Удивительных новинок.

Вся деревня собралась
Слушать, как хвалился Ягу
Приключеньями своими,
Но со смехом говорила:
"Уг! Да это точно - Ягу!
Кто другой так может хвастать!"

Он сказал, что видел море
Больше, чем Большое Море,
Много больше Гитчи-Гюми
И с такой водою горькой,
Что никто не пьет ту воду.

Тут все воины и жены
Друг на друга поглядели,
Улыбнулись друг другу
И шепнули: "Это враки!
Ко! - шепнули, - это враки!"

В нем, сказал он, в этом море,
Плыл огромный челн крылатый,
Шла крылатая пирога,
Больше целой рощи сосен,
Выше самых старых сосен.

Тут все воины и старцы
Поглядели друг на друга,
Засмеялись и сказали:
"Ко, не верится нам что-то!"

Из жерла ее, сказал он,
Вдруг раздался гром, в честь Ягу,
Стрелы молнии сверкнули.
Тут все воины и жены
Без стыда захохотали.
"Ко, - сказали, - вот так сказка!"

В ней, сказал он, плыли люди,
Да, сказал он, в этой лодке
Я сто воинов увидел.
Лица воинов тех были
Белой выкрашены краской,
Подбородки же покрыты
Были густо волосами.

Тут уж все над бедным Ягу
Стали громко издеваться,
Закричали, зашумели,
Словно вороны на соснах,
Словно серые вороны.

"Ко! - кричали все со смехом, -
Кто ж тебе поверит, Ягу!"

Гайавата не смеялся, -
Он на шутки и насмешки
Строго им в ответ промолвил:
"Ягу правду говорит нам;
Было мне дано виденье,
Видел сам я челн крылатый,
Видел сам я бледнолицых,
Бородатых чужеземцев
Из далеких стран Востока,
Лучезарного рассвета.

Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
С ними шлет свои веленья,
Шлет свои нам приказанья.
Где живут они, - там выются
Амо, делатели меда,
Мухи с жалами роятся.
Где идут они - повсюду
Вырастает вслед за ними
Мискодит, краса природы.

И когда мы их увидим,
Мы должны их, словно братьев,
Встретить с лаской и приветом.

Гитчи Манито могучий
Это мне сказал в виденье.

Он открыл мне в том виденье

И грядущее - все тайны
Дней, от нас еще далеких.

Видал я густые рати
Неизвестных нам народов,
Надвигавшихся на Запад,
Переполнивших все страны.

Разны были их наречья,
Но одно в них билось сердце,

И кипела неустанно

Их веселая работа:

Топоры в лесах звенели,
Города в лугах дымились,

На реках и на озерах
Плыли с молнией и громом

Окрыленные пироги.

А потом уже иное

Предо мной прошло виденье, -
Смутно, словно за туманом:
Видел я, что гибнут наши
Племена в борьбе кровавой,
Восставая друг на друга,
Позабыв мои советы;
Видел с грустью их остатки,
Отступавшие на Запад,
Убегавшие в смятенье,
Как рассеянные тучи,
Как сухие листья в бурю!"

XXII. Эпилог

На побережье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
Тихим, ясным летним утром
Гайавата в ожиданье
У дверей стоял вигвама.

Воздух полон был прохлады,
Вся земля дышала счастьем,
А над нею, в блеске солнца,
На закат, к соседней роще,

Золотистыми роями
Пролетали пчелы, Амо,
Пели в ярком блеске солнца.

Ясно глубь небес сияла,
Тихо было Гитчи-Гюми;
У побережья прыгал Нама,
Искрясь в брызгах, в блеске солнца;
На побережье лес зеленый
Возвышался над водою,
Созерцал свои вершины,
Отраженные водою.

Светел взор был Гайаваты:
Скорбь с лица его исчезла,
Как туман с восходом солнца,
Как ночная мгла с рассветом;
С торжествующей улыбкой,
Полный радости и счастья,
Словно тот, кто видит в грезах
То, что скоро совершится,
Гайавата в ожиданье
У дверей стоял вигвама.

К солнцу руки протянул он,

Обратил к нему ладони,
И меж пальцев свет и тени
По лицу его играли,
По плечам его открытым;
Так лучи, скользя меж листьев,
Освещают дуб могучий.

По воде, в дали неясной,
Что-то белое летело,
Что-то плыло и мелькало
В легком утреннем тумане,
Опускалось, подымалось,
Подходя все ближе, ближе.

Не летит ли там Шух-шух-га?

Не ныряет ли гагара?

Не плывет ли Птица-баба?

Или это Во-би-вава

Брызги стряхивает с перьев,
С шеи длинной и блестящей?

Нет, не гусь, не цапля это,

Не нырок, не Птица-баба

По воде плывет, мелькает

В легком утреннем тумане:

То березовая лодка,
Опускаясь, подымаясь,
В брызгах искрится на солнце,
И плывут в той лодке люди
Из далеких стран Востока,
Лучезарного рассвета;
То наставник бледнолицых,
Их пророк в одежде черной,
По воде с проводниками
И с друзьями путь свой держит.

И, простерши к небу руки,
В знак сердечного привета,
С торжествующей улыбкой
Ждал их славный Гайавата,
Ждал, пока под их пирогой
Захрустит прибрежный щебень,
Зашуршит песчаный берег
И наставник бледнолицых
На песчаный берег выйдет.

И когда наставник вышел,
Громко, радостно воскликнув,
Так промолвил Гайавата:
"Светел день, о чужеземцы,

День, в который вы пришли к нам!

Все селенье наше ждет вас,

Все вигвамы вам открыты.

Никогда еще так пышно

Не цвела земля цветами,

Никогда на небе солнце

Не сияло так, как ныне,

В день, когда из стран Востока

Вы пришли в селенье наше!

Никогда Большое Море

Не бывало так спокойно,

Так прозрачно и свободно

От подводных скал и мелей:

Там, где шла пирога ваша,

Нет теперь ни скал, ни мелей!

Никогда табак наш не был

Так душист и так приятен,

Никогда не зеленели

Наши нивы так, как ныне,

В день, когда из стран Востока

Вы пришли в селенье наше!"

И наставник бледнолицых,

Их пророк в одежде черной,
Отвечал ему приветом:
"Мир тебе, о Гайавата!
Мир твоей стране родимой,
Мир молитвы, мир прощенья,
Мир Христа и свет Марии!"

И радушный Гайавата
Ввел гостей в свое жилище,
Посадил их там на шкурах
Горностаев и бизонов,
А Нокомис подала им
Пищу в мисках из березы,
Воду в ковшиках из липы
И зажгла им Трубку Мира.

Все пророки, Джосакиды,
Все волшебники, Вэбины,
Все врачи недугов, Миды,
С ними воины и старцы
Собрались пред вигвамом,
Чтоб почтить гостей приветом.

Тесным кругом у порога
На земле они сидели

И курили трубки молча,
А когда к ним из вигвама
Вышли гости, так сказали:
"Всех нас радует, о братья,
Что пришли вы навестить нас
Из далеких стран Востока!"

И наставник бледнолицых
Рассказал тогда народу,
Что пришел он им поведать
О святой Марии-Деве,
О ее предвечном Сыне.
Рассказал, как в дни былые
Он сошел на землю к людям,
Как он жил в посте, в молитве,
Как учил он, как евреи,
Богом проклятое племя,
На кресте его распяли,
Как восстал он из могилы,
Вновь ходил с учениками
И с земли вознесся в небо.

И народ ему ответил:
"Мы словам твоим внимали,
Мы внимали мудрой речи,

Мы должны о ней подумать.

Всех нас радует, о братья,
Что пришли вы навестить нас
Из далеких стран Востока!"

И, простясь, все удалились,
Разошлись к своим вигвамам,
Рассказали на деревне
Юным воинам и женам,
Что прислал Владыка Жизни
К ним гостей из стран Востока.

От жары, в затишье полдня,
Тяжким воздух становился;
В полусне шептались сосны
Позади вигвамов душных,
В полусне плескались волны
На песчаное побережье,
А на нивах, не смолкая,
Пел кузнечик, Па-пок-кина.
Спали гости Гайаваты,
Истомленные жарою,
В душном сумраке вигвама.

Тихо вечер приближался,

Освежая знойный воздух,
И метало солнце стрелы,
Пробивая чащи леса,
В тайники его врываясь,
Все осматривая зорко.
Спали гости Гайаваты
В тихом сумраке вигвама.

С мягких шкур встал Гайавата
И простился он с Нокомис,
Тихим шепотом сказал ей,
Чтоб гостей не потревожить:

"Ухожу я, о Нокомис,
Ухожу я в путь далекий,
Ухожу в страну Заката,
В край Кивайдина родимый.
Но гостей моих, Нокомис,
На тебя я оставляю:
Сохраняй их и заботься,
Чтоб ни страх, ни подозренье,
Ни печаль их не смущали;
Чтоб в вигваме Гайаваты
Им всегда готовы были
И приют, и кров, и пища".

Так сказав ей, он покинул
Отчий дом, пошел в селенье
И простился там с народом,
Говоря такие речи:
"Ухожу я, о народ мой,
Ухожу я в путь далекий:
Много зим и много весен
И придет и вновь исчезнет,
Прежде чем я вас увижу;
Но гостей моих оставил
Я в родном моем вигваме:
Наставленьям их внимайте,
Слову мудрости внимайте,
Ибо их Владыка Жизни
К нам прислал из царства света".

На побережье Гайавата
Обернулся на прощанье,
На сверкающие волны
Сдвинул легкую пирогу,
От кремнистого побережья
Оттолкнул ее на волны, -
"На закат!" - сказал ей тихо
И пустился в путь далекий.

И закат огнем багряным
Облака зажег, и небо,
Словно прерии, пылало;
Длинным огненным потоком
Отражался в Гитчи-Гюми
Солнца след, и, удаляясь
Все на запад и на запад,
Плыл по нем к заре огнистой,
Плыл в багряные туманы,
Плыл к закату Гайавата.

И народ с побережья долго
Провожал его глазами,
Видал, как его пирога
Поднялась высоко к небу
В море солнечного блеска -
И сокрылась в тумане,
Точно бледный полумесяц,
Потонувший тихо-тихо
В полумгле, в дали багряной.

И сказал: "Прости навеки,
Ты прости, о Гайавата!"
И лесов пустынных недра

Содрогнулись - и пронесся
Тяжкий вздох во мраке леса,
Вздох: "Прости, о Гайавата!"

И о берег волны с шумом
Разбивались и рыдали,
И звучал их стон печальный,
Стон: "Прости, о Гайавата!"

И Шух-шух-га на болоте
Испустила крик тоскливый,
Крик: "Прости, о Гайавата!"

Так в пурпурной мгле вечерней,
В славе гаснущего солнца,
Удалился Гайавата
В край Кивайдина родимый.
Отошел в Страну Понима,
К Островам Блаженных, - в царство
Бесконечной, вечной жизни!

Аджидóмо - белка.

Амик - бобр.

Амо - пчела.

Бимáгут - виноградник.

Бэм-ва́ва - звук грома.

Вабáссо - кролик; север.

Вава - дикий гусь.

Ва-ва-тэйзи - светляк.

Вáвбик - утес.

Вавонэйса - полуночник (птица).

Вагонóмин - крик горя.

Вáмпум - ожерелья, пояса и различные украшения из раковин и бус.

Во-би-ва́ва - белый гусь.

Вобивáйон - кожаный плащ.

Вэбино - волшебник.

Вэбино-Вэск - сурепка.

Вэ-мок-квáна - гусеница.

Гитчи-Гюми - Верхнее озеро.

Дагинда - гигантская лягушка,

Джиби - дух.

Джосакиды - пророки.

Дэш-кво-нэ-ши - стрекоза.

Иза - стыдись!

Ина́йнивэг - пешка (в игре в кости).

Ишкуда́ - огонь, комета.

Йенадиззи - щеголь, франт.

Кагаги - ворон.

Ка́го - не тронь!

Кайо́шк - морская чайка.

Кива́йдин - северо-западный ветер.

Кинэбик - змея.

Киню - орел.

Ко - нет.

Куку-кугу - сова.

Куо-ни-ши - стрекоза.

Кенóза, Маскеноза - щука.

Манг - нырок.

Ман-го-тэйзи - отважный.

Маномóни - дикий рис.

Месяц Земляники - июнь.

Месяц Листьев - май.

Месяц Лыж - ноябрь.

Месяц Падающих Листьев - сентябрь.

Месяц Светлых Ночей - апрель.

Миды - врачи.

Минáга - черника.

Минджикэвон - рукавицы.

Минни-ва́ва - шорох деревьев.

Мискодит - "След Белого" (цветок).

Мише-Мо́ква - Великий Медведь.

Мише-На́ма - Великий Осетр.

Монда́мин - маис.

Мушкода́за - глухарка.

Мэдвэй-о́шка - плеск воды.

Мэма - зеленый дятел.

Мэшинóва - прислужник.

На́ма - осетр.

На́ма-Вэск - зеленая мята.

Нинимуша - милый друг.

Но́за - отец.

Нэго-Во́джу - дюны Верхнего озера.

Нэпа́вин - сон, дух сна.

Нэшка - смотри!

Овэйса - сизоворонка (птица).

Ода́мин - земляника.

Озавабик - медный диск (в игре в кости).

Окага́вис - речная сельдь.

Омими - голубь.

Онэвэ - проснись, встань!

Опечи - красногрудка (птица).

Па-пок-кина - кузнечик.

Пибоан - зима.

Пимикан - высушенное оленьё мясо.

Пишнэкэ - казарка (птица).

Поггэво́гон - палица.

По́гок - смерть.

Пок-Уэджис - пигмеи.

Понима - загробная жизнь.

Са́ва - окунь.

Сибовиша - ручей.

Соббика́ши - тарангул.

Сон-джи-тэгэ - сильный.

Сэгво́н - весна.

Тэмрак - лиственница.

Уг - да.

Угудво́ш - самглав, луна-рыба.

Читовэйк - зук.

Шабомин - крыжовник.

Ша-ша - далекое прошлое.

Шингебис - нырок.

Шишэбвэг - утенок (фигурка в игре в кости).

Шовэн-нэмэшин - сжался!

Шогаши - морской рак.

Шогодэйя - трус.

Шóшо - ласточка.

Шух-шух-га - цапля.

Энктаги - Бог Воды.

Эннэмики - гром.

Эпóква - тростник.